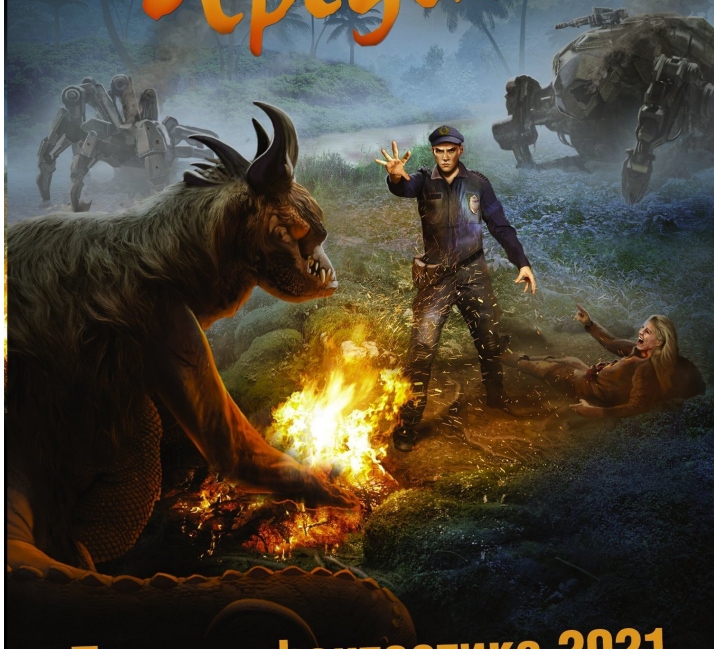

Цель и Средства

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО,
ЕВГЕНИЙ ФИЛЕНКО, СВЯТОСЛАВ
ЛОГИНОВ, ЕВГЕНИЙ ЛУКИН,
АЛЕКСАНДР ГРОМОВ, ОЛЕГ ДИВОВ,
АЛЕКС ДЕ КЛЕМЕШЬЕ и другие

Лучшая фантастика 2021

ВКЛЮЧАЕТ ДВА РАССКАЗА СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО,
НАПИСАННЫХ В ЕГО НЕПОВТОРИМОМ
ФИРМЕННОМ СТИЛЕ!

Олег Игоревич Дивов
Александр Николаевич Громов
Вадим Картушов
Александра Давыдова
Дарья Николаевна Зарубина
Карина Шаинян
Алекс де Клемешье
Дмитрий Михайлович Володихин
Святослав Владимирович Логинов
К. А. Терина
Сергей Васильевич Лукьяненко
Евгений Иванович Филенко
Евгений Юрьевич Лукин
Андрей Тимофеевич Сеницын
Цель и средства. Лучшая
фантастика – 2021
Серия «Книги Сергея Лукьяненко»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63118626

Цель и средства: лучшая фантастика—2021:

ISBN 978-5-17-133164-1

Аннотация

Когда речь идет об исключительной цели, герои этого сборника не ограничивают себя в выборе средств. Во имя долга или вопреки должностным инструкциям, сообразно своим представлениям о чести или наперекор общепринятым догмам. На ближней орбите и дальних мирах, в блистательном будущем и в альтернативной вселенной, а также здесь и сейчас.

Рядом с вами.

Итоговый ежегодник издательства АСТ содержит самые яркие произведения года от ведущих авторов русскоязычной фантастики: Сергея Лукьяненко, Евгения Лукина, Олега Дивова, Евгения Филенко, Святослава Логинова и многих других писателей-фантастов.

Содержание

Сергей Лукьяненко	6
Евгений Лукин	11
Дарья Зарубина	47
Карина Шаинян	99
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Андрей Сеницын

Цель и средства: лучшая фантастика—2021

© А.Т. Сеницын, составление, 2020

© Коллектив авторов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Сергей Лукьяненко

Такая работа

...Парень ты неплохой, только слишком вежливый. Смеешься? А как же иначе, со стариками-то? Ну да, ну да... Хорошо тебя воспитали, это я всерьез говорю. Жаль, не задержишься ты на этой работе, пенсию разносить – не для молодого парня. Это для нас, бабок, ну или для девчонок, что приехали большой город покорять – а он уже весь покорен, только и осталось, что на почту идти работать. Почту-то у нас не любят. Очереди, все стоят, гаджеты копеечные из Китая получают, опять же – рукавички, как всегда, почтальоны из посылки сперли... Смеешься. Значит, знаешь анекдот-то. А я рассказать хотела. Давай посидим минутку-другую, я тебе твою ошибку разъясню. Все ж таки тебе до армии тут работать, а парень ты неплохой, дело хочешь честно делать.

Нет, тебе я и не предлагаю. Молодежь нынче пошла... не курят, не пьют... А я подымлю. Ты на меня посмотри – такая бабка, как я, должна курить. Лучше папиросы, но я терпеть их не могу. Еще с войны. Да не пучь ты глаза, не с той войны! Думаешь, у нас, кроме Великой Отечественной, войн было мало?

Так вот, почему я тебя слишком вежливым назвала. Хочешь знать? Алексей Палыч хотел поскандалить. И когда он

тебе начал выговаривать, что купюры все больно новые, видать – фальшивые, он это не от маразма. Поговорить ему хотелось. Поругаться немножко. Не со зла. От одиночества. А ты сразу извиняться, предлагать деньги поменять... Не этого он хотел. Знает он, что деньги правильные. Он на Гознаке работал. Поваром в столовой. Но все равно фальшивую купюру на раз отличит. Надо было с ним немножко поспорить. Поругаться. Не так, как я стала, ты все-таки молодой, незнакомый. Вежливо. А потом уже дать ему другие купюры. Понял?

Пенсию людям разносить – это тебе не газеты в ящик сунуть. Ты для этих стариков да инвалидов – собеседник. Редкий гость. Порой единственное лицо, что они за день видят. Почему они на карточку не хотят пенсию получать? Да потому, что ты пришел – день интересный стал. Если еще парой слов перекинешься, пошутишь, о здоровье спросишь... Дети? А что дети. Дети взрослые. Внуки взрослые. Правнукам неинтересно с ними. Хорошо, если бабка может еще пирожков напечь, на пирожки и правнуки зайдут иногда... а так все планшет да интернет...

Участок у меня большой, а стариков-то немного. Молодой участок. Вот в центре – там к вечеру ноги не держат, еще и дома бывают без лифтов. А здесь все молодежь больше, лет по сорок... смейся, смейся. Это в семнадцать лет всем смешным кажется. Мы уже почти все с тобой прошли, все я тебе показала, одно только дело осталось, но тут надо духу

набраться. Уж извини. Бабка снова покурит. Бабка старая, ей никто не указ. Вон там, кстати, я живу. В том доме, высоком. Второй подъезд, пятый этаж, квартира сорок шесть. Лифтов целых два. Через месяц туда мне пенсию принесешь. Ты, кстати, с чем пирожки любишь? «Со всем» – не считается. Ладно, запомню, если склероз не одолеет. К обеду мне пенсию приноси, чаю попьешь с пирожками... Ты спрашивай, я ведь вижу, хочешь спросить что-то. Не стесняйся. Ты теперь почтальон, а у нас свое тайное братство, я тебя еще знакам секретным научу... Ой, ты бы сейчас себя видел! Шучу я, шучу. Нервничаю, потому и шучу. Ну, спрашивай.

Почему так девочка смотрела... Маленькая, вот и смотрит. Мы же не пенсию принесли. Мама ей не говорит «алименты», мама говорит «денежки от папы». Она прошлый год спрашивала: «А папа сам не придет?» Теперь перестала. Но выходит и смотрит. Вот почему мама ее не хочет на карточку денежки, почему приносить просит, не знаю. Может, для того, чтобы девочка выходила и смотрела. Вот так вот...

Последняя? Да, последняя пенсия осталась. Это Екатерины Герасимовны. Она учительницей была, долго на пенсию не уходила, потом ушли. Ну, как ушли, так почти сразу... и года не прошло. Забывать все стала, по утрам выходила – и в школу... ее иногда назад отводили, а иногда у забора стояла до вечера. Екатерина Герасимовна вчера умерла.

Ну и что? Умерла, да. Информация неофициальная, надо понимать. Поэтому пенсия выписана, надо идти. Вот этот

дом. Восьмой этаж. Пойдем потихоньку.

Да, точно. Вчера вечером скорая приезжала.

Нет, надо идти. Сам поймешь, надо. Это недолго.

Звони, так положено. Никого там нет. Родственники с утра были, рылись в пожитках, вдруг что ценное у бабки. Ну, это правильно, нечего так кривиться. Ей уже не нужно. А им жить. И хоронить. Она скромно жила, может, что и отложила на похороны.

Еще раз звони. Положено.

Ну вот, никого. Убедились. А теперь пешком, хорошо, что на восьмом жила, а дом девятиэтажный, у меня вот хуже – этаж пятый, дом в восемнадцать этажей... Нет! Вверх, вверх идем. Да, уверена. Почти. Идем. Нет, нам не к соседям, нам на крышу.

Ну конечно, замок! Сейчас везде замки. Может, и правильно, а то ребятишки любят по крышам лазать. Видишь – открыт. Нет тут ничего странного. Если б, не дай бог, в подвал... тоже открыто было бы.

Давай, лезь первым. Нечего тебе старухе под юбки заглядывать. Лезь, не оглядывайся. Нам недолго. Ох, как колени-то болят от этих лестниц, зачем я, дура старая... Не стой ты столбом. Подвинься.

Ну что ты стоишь-то, рот разинул? Да, это машина. Да, старая. Как я. «Москвич» четырехсотый. «Почта СССР». Раритет? Нет, просто рухлядь. Как я. Почему водителя нет? А ты часто на крышах машины с водителем видишь? То, что

он в воздухе висит, крыши не касается, – тебя не смущает?

Ничего. Ничего-ничего. Ты ведь даже не упал и не убежал. Так, зашатался малость. Нечего извиняться. Нам туда. Нам съездить надо. Пенсию отвезти. Ты понимаешь, там, конечно, деньги им не нужны. Только старики – они не сразу это понимают. Видать, нельзя им сразу в разум прийти или в то, что там у них заместо разума... Нервничают они, пугаются. Пенсию ждут. Этот день-то все они ждут, все помнят. Я потому с тобой и вышла, ты для нее человек незнакомый... Не бойся. Мы быстро съездим и вернемся.

Нет. Ничего ты не запомнишь. Вот как будем садиться в машину и как выходить – это останется. И все. А деньги – они никуда не денутся, их обратно сдадим, как положено. Их родные и близкие потом заберут. Нет. Ничегошеньки в памяти не останется. Только ходить будешь так... странно. И улыбаться весь день. Потом пройдет. Ты не жалея, что не запомнишь. Иначе бы запомнил, и как в подвал спускаться... а этого не надо, поверь, не надо.

Садись. Ты парень хороший, привыкнешь. А вот я на пятом живу, а дом в восемнадцать этажей, ты уж извини.

Ну, поехали...

Евгений Лукин

Пых – и там!

Раннее утро. Из-за угла выворачивается динозавр из семейства джипов. Двигается медленно, неуверенно, словно предчувствуя, что жить ему осталось недолго. И ему, и сородичам его, и всему их техноценозу, включая бензоколонки и автосервисы. Грядет Великое Вымирание. Не понадобилось ни астероида, ни вулканов, ни прочих избыточных катастроф – эпоха скончалась тихо, я бы даже сказал, буднично. Собственно, еще не скончалась, но... Какая разница? В любом случае точка невозврата пройдена, и металлическое зверье обречено.

Тротуары раздалились до размеров проезжей части, проезжая часть, напротив, съежилась до размеров тротуара. Похоже, с некоторых пор латать ее совсем прекратили. Джип огибает очередную выбоину и робко притирается к высокому (чуть ниже колеса) парапету. Граница резервации. Дальше запретная зона – ровное покрытие, скудно усаженное металлическими круглыми блямбами. Каждая величиною с блюдо и утоплена заподлицо. Асфальт в горошек.

Вроде бы скорая гибель отряда четырехколесных не должна меня сильно огорчать. Был и остаюсь пешеходом. К личному автотранспорту всегда испытывал стойкую неприязнь.

А теперь вот гляжу на доживающие свой век тачки – и скорее соболезную им, чем злорадствую. Им и их владельцам.

Да, ребята, кончилось ваше время.

Помнится, мама моя, мудрая женщина, говаривала, что в каждом, даже самом преклонном возрасте есть своя прелесть, надо ее просто найти. Наверное, своя прелесть есть и в каждой новой эпохе. Но поначалу непривычно.

Господи, сколько бы мне всего пришлось сейчас объяснять маме! Кстати, занимаюсь этим постоянно. Куда ни посмотрю, обязательно увижу то, чего она не застала. И начинаю мысленно растолковывать, что это такое, откуда взялось. То ли ей, то ли себе самому, то ли кому другому.

* * *

Не знаю, зачем мы должны учить историю, если она нас ничему не учит.

Возьмем для примера авиацию, пассажирский флот или, скажем, железные дороги. Все это, согласитесь, общественный транспорт. Персональные самолеты и яхты – явление относительно редкое, а уж мотрисы – и вовсе небывалое. Но автомобили... Как вообще такое могло случиться, чтобы самый распространенный способ перемещения по планете был отдан в частные руки? Сопоставьте количество жертв! Да, авиалайнеры, помнится, бились иногда при посадке, да, поезда сходили порою с рельсов, корабли налетали на рифы.

Но рядом с тем, сколько гибло народу на дорогах... На войне меньше гибнут!

Нечто, на мой взгляд, похожее происходит сейчас с телепортацией, достойной преемницей автотранспорта. До летальных исходов пока, слава богу, не доходило ни разу (прогресс, знаете), но травм и скандалов хоть отбавляй. Неужели, внедряя ее в быт, было так трудно учесть ошибки прошлого?

Мы-то, балбесы, как себе все это представляли? Понаставят, думали, на каждом углу будочек вроде приснопамятных телефонов-автоматов: заходишь в нее, набираешь номер – и оказываешься в аналогичной кабинке, только уже не на краю Спартановки, а где-нибудь, я не знаю, на атлантическом побережье.

Ага, на атлантическом... Размечтались! Каждая тысяча километров в такую копеечку влетает, что провались оно, это побережье! Да и телепортатор без визы не сработает...

Никаких, понятно, будочек не возникло. Разработчики (если продолжить аналогию транспортного средства со средствами связи) взяли за образец сотовый телефон.

Бог им судья...

* * *

Стою на краешке тротуара у самого парапета, а тротуар, как я уже упоминал, инкрустирован металлическими дисками размером с блюдце. Мама обязательно бы спросила, что

это такое. Крышечки крохотных люков? Нет, мама, не крышечки. Это, видишь ли, приемные устройства, в просторечии – блямбы.

Каждой из них присвоен код. Достает гражданин свой телепортатор (гаджет такой – с виду помесь айфона с планшетом), набирает номер – пых! – и оказывается на нужной ему блямбе, сколь бы далеко она от него ни отстояла. Поэтому во время прогулок лучше держаться от этих железяк подальше. Хожу теперь, как по минному полю.

Страшно вспомнить, что творилось поначалу. Народ обнаглел мгновенно: полтора квартала до места службы – пройди пешком... Нет, телепортирует. Сеть, естественно, перегружена. Набирай номер, не набирай – вечно занято.

Решили увеличить количество блямб. Но это легко сказать! Сколько их нужно наляпать – хотя бы в пределах города? Тысячу? Две тысячи? Сто тысяч? Сколько-то там наляпали... Увеличили вдобавок мощность каждого приемного устройства, расширили финишную зону метров до двух в диаметре, а саму ее разбили на отдельные топы – этакие пяточки, каждому из которых был опять-таки присвоен свой номер. Предполагалось, что уж теперь-то давки не возникнет.

У нас – да чтоб не возникла?

Дело вот в чем: финишируя прямиком на блямбу, притираешься к ней подошвами идеально. А если рядом, то тут еще как повезет. Вокруг-то асфальт, бетон, паркет, то есть

пространства, в смысле гладкости далеко не совершенные. Естественно, между подметкой и поверхностью периферийного топа иногда остается зазор, так что лучше особо не расслабляться – ощущение, полагаю, не из приятных, когда обрываешься хотя бы и с миллиметровой высоты. Хуже, если каблуки оказываются чуть глубже уровня. Клиенты жаловались: бьет по пяткам, причем очень даже чувствительно.

Ну и понятное дело, все норовят попасть в серединку, что отнюдь не каждый раз удается. Вот, скажем, набрали двое один и тот же код. Приемное устройство, распределяя кого куда, отдаст предпочтение более продвинутому телику... Ах, да! Мама! Забыл тебе сказать: теликами теперь называют телепортаторы, а телевизор окончательно стал ящиком, хотя давно уже не ящик.

* * *

Нежное чмоки-чмоки автомобильной дверцы – и вскоре из-за глянцево-черной колесной глыбы выглядывает краешек физиии. Владелец. Опасливо озирает тротуар. По случаю раннего утра нигде никого. Успокаивается, затем видит меня. Заискивающая улыбка.

– Вот, – произносит он как бы в оправдание. Обходит капот, неловко его оглаживая и похлопывая. – По старинке, знаете...

Переступает парапет и оказывается на тротуаре.

Судя по облику и прикиду, один из тех, кто всю жизнь ездил черт знает на чем и мечтал о крутой тачке, как вдруг настали иные времена: богатенькие кинулись распродавать автотранспорт – ну и купил по дешевке, а теперь вот не знает, что с этой роскошью делать.

– Хорошая машина, – сочувственно говорю я.

Глаза автолюбителя вспыхивают радостью – встретил родную душу. Оно и понятно: так легко принять товарища по несчастью за единомышленника!

– Очень хорошая! – истово подтверждает он. Тут же спохватывается, тушуетя. – Нет, хлопот, конечно, много, но... – Голос его обретает прежнюю уверенность, а то и воинственность. – А вот на природу, скажем? – с вызовом вопрошает он. – Кинул в багажник мангал, палатку, харч... А с теликами вашими... – испуганно моргает, но, видя, что я понимающе киваю, воодушевляется вновь: – Что туда с теликом прихватишь? Один рюкзачок?..

В целом замечание верное. Сосед рассказывал, у них в дачном поселке всего две блямбы: одна – возле колодца, да еще одна грузовая – на околице. Хотя, говорит, в последнее время с доставкой получше стало: прибывает курьер, шлепает финишную переноску прямо на участке, принимает что ты там заказал – и до свидания.

А водитель совсем осмелел.

– Задолбали портачи! – рубит он напрямик правду-матку. – Уже приткнуться некуда! Вчера, например... – Фраза

остаётся незавершённой. На миг нас легонько толкает воздухом – и в паре шагов (точнехонько на одном из металлических дисков) возникает востроносая костяная старушенция.

И я снова представляю себе, как бы на подобное диво отреагировала моя покойная мама.

В руках у бабуся громоздкий кнопочный телик чуть ли не первого выпуска. Раритет, однако. Знаю я эту модель – работает только в черте города. Редкое барахло. Мы уже такими и не торгуем.

– Ишь, понаставили... – скрежещет прибывшая, заведев джип. – Когда ж вас всех наконец в утиль сдадут?..

Автолюбитель робеет, не знает, как поступить: то ли спрятаться в скорлупу своего транспортного средства, то ли прикинуться простым прохожим вроде меня. Но тут, на его счастье, бабуку отбрасывает на полметра, а на том месте, где она только что стояла, материализуется интеллигентного вида сутулый долговязый старикан с такой же примерно рухлядью в руках.

– Да куда ж вас несёт? – вопит старушенция. – Интервал кто соблюдать будет?

Старикан смущен и озадачен.

– А что интервал?.. – оправдывается он сипловатой скороговоркой. – Интервал – пять секунд. Если меньше – ничего бы и не сработало...

– А подождать?

– Так сколько вас ждать? Странная вы какая-то...

На мгновение склока прерывается появлением постового.

– Ну? – со скукой осведомляется он. – И кто кого подрезал?

У этого телик покруче – служебный, относительно продвинутый. Такими мы тоже не торгуем, но совсем по иной причине. Не имеем права.

Утро, должно быть, выпало скучное, без нарушений, раз уж полицейского привлекло столь мелкое происшествие. Обычно подобного рода столкновения фиксируются компьютером и непосредственного вмешательства властей не требуют.

Автовладелец от греха подальше снова перешагивает через парапет и, оказавшись в родной своей резервации, как бы невзначай начинает продвигаться к передней дверце джипа.

Неподалеку на одной из блямб вырастает не по сезону тепло одетый афроамериканец (только его тут не хватало!) и некоторое время лупит zenки на происходящее. Чистый Отелло.

– На машине вам ездить, а не телепортировать!.. – дребезжит старикан.

– А вы – дохлятина старая! – с блеском отбрасывает его бабуля. И ликующе скандирует по слогам: – До-хля-ти-на!

Не слишком ли много старых дохлятин для одного тротуара?

Полицейский пытается призвать обоих к порядку.

– Раша крэйзи... – ошалело бормочет интурист – и вспы-

хивает. Точнее, даже не вспыхивает – обращается на долю секунды в подобие хрустальной статуи, наполненной бледно-золотистым сиянием. Так, мама, выглядит со стороны момент старта. Еще его называют – пых. Был негритос – и нету. В Америку небось свою ненаглядную подался, оставив на сетчатке моих глаз темный отпечаток. Теперь, куда ни повернись, везде его силуэт.

Джип тем временем издает прощальное чмоки-чмоки, потихоньку отчаливает от парапета и, огибая выбоины, тоже покидает место происшествия.

– А вы свидетель? – оборачивается ко мне блюстителъ порядка.

– Никакой я не свидетель, – открещиваюсь я.

– Но вы же рядом стояли!

– Спиной стоял.

– Так, – говорит полицейский. – Номер ваш сообщите.

– Нету, – ухмыляюсь я в ответ.

– Как нету?

– Так, нету. Ни телика, ни номера.

– А как же вы...

– Пешком.

– А... если куда-нибудь далеко?

– А некуда. Вполне доволен своим районом.

– А на работу?

– До работы полтора квартала.

– Ну а на ярмарку там... в супермаркет...

– Маршруткой.

– Да сколько их осталось, маршруток? Раз-два – и обчелся!

– Ну вот тем не менее...

Полицейский заинтригован.

– Иеговист, что ли? – догадывается он, понизив голос.

– Православный.

– Так патриарх же заявил публично, что нет греха в телепортации!

– Н-ну... нет – значит, нет.

– А что ж вы тогда?

– Да вот так как-то, знаете...

Внезапно шагах в двадцати от нас с воплями, визгом и руганью образуется на тротуаре куча-мала. Из ничего вопреки Ломоносову и прочим Лавуазье. Что-то вроде развалившейся регбийной схватки. Все понятно: золотая молодежь конается с утра пораньше, у кого телик круче. На спор набирают номер одной и той же блямбы, а та уже раскидывает, кого в центр, кого на периферию.

Полицейский, мгновенно забыв о престарелой паре нарушителей, спешит туда со всех ног.

Да, мама... Такая вот теперь у твоего сына жизнь.

* * *

Вообще-то я иду на работу. Но, во-первых, как было ска-

зано выше, до нее два шага, а во-вторых, у меня еще полчаса в запасе.

Утренний скверик безлюден. Присаживаюсь на скамейку и погружаюсь в невеселые свои думы.

Назвав себя православным, я погрешил против истины лишь отчасти. Корни православные, сам крещеный. Единственная закавыка – неверующий.

Отсюда мое отношение к телепортации. Чисто светское. На уровне здравого смысла.

Судите сами: человек исчезает там и возникает тут. Там его рассыпали на атомы – тут из атомов собрали. А вы убеждены, что это именно тот самый человек, а не его точная копия? Или, скажем, что несколько ваших молекул в процессе сборки-разборки не потерялись? Я вот, например, совершенно не убежден.

Ну и зачем мне все это надо?

Нет уж, лучше пешочком...

По ящику такую неприязнь к современным способам передвижения открыто называют суеверием, а то и мракобесием, но я не обижаюсь.

Смотрю на часы. До начала рабочего дня двадцать четыре минуты. Скоро они истекнут, и придется мне опять расписаться перед клиентами, расписывать все преимущества новой модели, подбивать на тест-драйв и обещать неведомый доселе восторг, едва лишь станете владельцем сверхпродвинутого девайса.

Да, как это ни забавно, фирма наша продает телики.

– Вы только попробуйте! – патетически восклицаю я, указывая на блямбу в углу торгового зала. – Испытайте!

– Может, сами для начала продемонстрируете?

– Нет! – с жаром возражаю я. – Ну что такое демонстрация? Что такое взгляд со стороны? Это надо ощутить самому...

Начальство давно уже в курсе моей телепортофобии и сильно этим недовольно. Действительно, чепуха какая-то получается: надо любить то, что продаешь, причем искренне, самозабвенно.

А иначе какой же ты менеджер по продажам?

* * *

Со стороны площади в безлюдный скверик входит дама лет сорока с лишним. Ни телика в руках, ни сумки, в которой мог бы таиться телик. Стало быть, тоже из тех, кому не по душе нынешние порядки. Достигнув фонтанчика, окидывает цепким взглядом скамьи и направляется ко мне.

– Вы разрешите?

– Пожалуйста-пожалуйста... – любезно отзываюсь я.

Присаживается рядом.

– Скажите, вы верующий? – спрашивает дама.

Странно. День еще только начинается, а меня вот уже второй раз пытаются относительно религиозной принадлежности.

– Кто? Я?... – задумываюсь на секунду. – Да, наверное... нет.

– Вы ошибаетесь, – с ласковой грустной улыбкой поправляет она, однако голос ее тверд. – Вы – верующий. В глубине души – вы верующий.

– С чего это вы взяли?

– Но я же вижу!

Да-да, все верно: без гаджета – значит, свой. Нечто вроде пароля.

– И что?

– Боитесь за свою душу. Вы хоть раз телепортировали?

– Ни разу.

– Вот видите!

– Простите, не понял... Что вы хотите сказать?

Вообще-то все ее доводы я знаю наперед, поскольку отчасти это и мои доводы, просто самому-то мне, во избежание неприятностей по службе, лучше помалкивать. Телепортация (скажет она) – смертный грех, а патриарх проданся олигархам. Даже если вы считаете себя неверующим (скажет она), то хотя бы должны понимать, что телепортация чревата онкологическими заболеваниями, необратимым изменением генетического кода и (тут она перейдет на интимный полусшепот) мужским бессилием.

Примерно то же самое, помнится, говорилось когда-то о компьютерах и сотовых телефонах.

До обстоятельной проповеди дело, впрочем, не доходит

– сквозь узорную кованую ограду сквера и полупрозрачную апрельскую зелень мигает бледно-золотистый свет. Кто-то куда-то стартовал.

– Вот! – Со зловещей торжественностью она выбрасывает указующий перст в направлении вспышки. – Одной жизнью меньше.

– Здесь – меньше, – меланхолично соглашаюсь я. – А где-нибудь на атлантическом побережье – больше. Или куда он там портанулся...

– В преисподнюю он портанулся! – неожиданно взрывается она. – В геенну огненную! Вы что, ослепли? Это отсвет адского пламени!..

Гляжу на нее с любопытством и восторгом. Почти с испугом. Нет, такого поворота темы я не ожидал. Геенна огненная... Надо же! А темперамент-то, темперамент... Ветхозаветный! Первобытный!

Честно говоря, пора бы мне поторапливаться, но уж больно захватывающе складывается беседа.

– Да бросьте вы – в преисподнюю!.. – борясь с улыбкой, возражаю я (люблю иногда, знаете, подразнить ближних своих). – А почему ж тогда никто из портачей об этом не рассказывает? Или все так быстро, что заметить не успевают?

– А вам и не расскажет никто, – жутко приглушив голос, сообщает она.

– С них что же, подписку берут о неразглашении?

– Какую подписку?! Назад дороги нет! Там они и остаются.

ся, в преисподней...

– Здра-асте!.. А кто ж тогда тут возникает?

– Бес! – Дама сверкает на меня глазами. – Бес, принявший его облик!

Давненько меня так не ошарашивали.

– Стоп! – командую я, решительно хлопнув себя по коленям. – Давайте-ка подробнее... Вот человек первый раз в жизни телепортирует. И оказывается в геенне огненной. Навечно. Так?

– Именно так!

– А здесь, стало быть, вместо него появляется бес?

– Именно!

– Так это что же, одни бесы вокруг?

Она порывисто берет меня за руку. От избытка чувств глаза ее обретают влажный блеск.

– Вы поняли... – проникновенно говорит она. – Вы все поняли...

Я осторожно высвобождаю запястье.

– Нет, позвольте!.. А зачем же он тогда продолжает телепортировать? Дело-то уже сделано – грешник в преисподней!

– То есть как зачем? Чтобы никто не догадался!

– А кому догадываться?

– Нам с вами! Тем, которые убереглись!

Между прочим, выстроено рассуждение логически грамотно, без проколов. Придраться пока не к чему. Хотя...

– Это сколько ж должно быть бесов? Не меньше, чем население планеты...

– Больше! – бросает она со всей убежденностью.

– Та-ак... – тяну я, соображая. – Значит, вы говорите, принимает облик... продолжает телепортировать... и тоже каждый раз оказывается в аду?

– Ну вы же видели вспышку!.. Да! В аду! И тут же возвращается сюда...

– А бес-то чего там, в аду, забыл? Домой потянуло – на перекур? Или у них там пересменка?

Зря я при этом осклабился. Дама встает с оскорбленным видом.

– Я ошиблась... – холодно изрекает она. – Вы ничего не поняли...

Тут я догадываюсь снова взглянуть на часы – и вижу, что у меня осталось всего четыре минуты.

* * *

Мини-маркет наш называется «Пых – и там!». Хотели сперва назвать просто «Пых», но, как выяснилось, «Пыхов» этих по стране зарегистрировано – до чертовой матери.

Обычно я прихожу первым. Как было сказано выше, телепортофобия моя вызывает кое у кого раздражение, так что лучше не опаздывать. Я, видите ли, единственный, кто попадает внутрь по старинке, через порог. Остальные пользуются

демонстрационной блямбой, выскакивая, как пузырь на воде, за минуту-другую до начала рабочего дня.

(А вот интересно: они из тех же самых атомов собираются или из местных? Из подручного, так сказать, материала... Не знаю. Честно говоря, боязно представить.)

Тоха и Тася, как и ожидалось, уже на месте. Начальство, слава богу, задерживается. Пять минут на то, чтобы отдышаться, – и можно приступать к обязанностям.

– Бежал, что ли? – насмешливо спрашивает Тоха.

– Ох, ребята... – говорю я со стоном (и вправду ведь пришлось пробежаться).

– От бывшей жены... – соболезнает догадливая Тася.

Оба молоденькие, умненькие, с юморком. Разница в возрасте несколько нам не мешает. Только вот насчет бывшей жены Тася, пожалуй, напрасно. Не слишком удачная шутка. Развелись мы с супругой исключительно из-за моей нелюбви к прогрессу. Сами прикиньте: она – пых! – и уже в развлекательном центре (или куда мы там с ней собрались), а мне-то – через весь город переть! Кстати, история типичная, много тогда из-за этого семей распалось.

Хорошо, мама не застала нашего разрыва. Сильно бы расстроилась.

А начальства все нет. Клиентов – тоже. И я рассказываю ребятам про даму из сквера. Меня слушают внимательно, с преувеличенной серьезностью.

– Так-то вот, господа бесы! – заключаю с ехидцей. – Счи-

тайте, что вы разоблачены...

Атлетически сложенный Тоха уставился на меня – и молчит. Физиономия – мрачная. Наконец спрашивает отрывисто:

– Как выглядела?

– Кто?

– Тетка.

Обрисовываю в общих чертах внешность моей недавней собеседницы.

Тоха поворачивается к Тасе.

– Утечка информации, однако, – озабоченно изрекает он. – Доложить надо.

Достает свой телик – и вспыхивает.

Чертыхаюсь, протираю глаза. Пока я это делаю, сослуживец мой успевает сойти с демонстрационной блямбы, куда он только что переместился, – и снова приближается к нам.

– Доложил? – спрашивает его хрупкая черноволосая Тася. Спрашивает без улыбки – с юморком у обоих, повторяю, все в полном порядке.

Тоха сокрушенно покачивает крупной, бритой под ноль головой.

– Слушай, там такой переполох поднялся...

– Где? – невольно подыгрываю я.

– Где-где?.. В геенне, понятно, огненной, где еще? Где я сейчас докладывался!..

– Что-то быстро ты доложился, бесяра...

– Это у нас тут быстро. А там время по-другому идет. Бесы поворачиваются ко мне и смотрят, не мигая.

– С теткой – понятно, – размышляет вслух тот, что принял облик Таси. – А с ним как поступим?

Бес, принявший облик Тохи, в раздумье.

– Одно из двух, – цедит он, меряя меня взглядом. – Либо замочить...

– Нет, – решительно протестует бес по имени Тася. – За мученика прокानает, в рай попадет... А телепортируем-ка мы его!

– Точно! В преисподнюю его, козла... Мало того что знает много – он еще и на работу опаздывает!

И они подступают ко мне с обеих сторон.

Я уже взят под локотки, но тут на демонстрационной блямбе во весь свой долгий рост воздвигается Стас. Станислав Казимирович. Начальство. Владелец мини-маркета.

– А ну-ка, прекратить! – прикрикивает он на расшалившийся персонал. – Совсем уже сдвинулись... Клиенты были?

– Ни одного.

– Плохо. – В задумчивости он смотрит на входную стеклянную дверь. – Я вот думаю: может, совсем их убрать?

– Кого? Клиентов?

– Двери... В других маркетах давно уже убрали. А то какой-то у нас фасад несовременный... неподвинутый...

– Как же... совсем без дверей?

– А зачем они теперь вообще? Если подумать, такой же

пережиток, как автомобиль...

Тоха и Тася поглядывают на меня с сочувствием. А я стою ни жив ни мертв. Дожимают, ох, дожимают... Автотранспорт вымрет – бог с ним, с автотранспортом, как-нибудь пешком дошкандыбаю. А вот если двери искоренят как явление... Тогда все. Покряхтишь-покряхтишь да и пойдешь покупать телик. Дешевенький. Кнопочный. Хотя нет, не позволят. Продаешь телики – ходи с продвинутым, чтобы клиенты видели...

И тут – о радость! – стеклянные створки раздвигаются, в мини-маркет входит первый посетитель. Я готов его расцеловать. Мог ведь телепортировать (код демонстрационной блямбы – на вывеске), а он, умница, взял да и вошел!

* * *

Если совсем честно, то пугает меня вовсе не риск потерять сотню-другую молекул на финишной блямбе. Или, скажем, прихватить несколько лишних из окружающей среды. Даже случись что-нибудь этакое, полагаю, вряд ли моему нежно любимому организму будет нанесен серьезный ущерб. Да и психологически, насколько я могу судить, от пыха к пыху никто не меняется. А вот сам факт сборки-разборки...

Собственно говоря, что есть телепортация? Многократное самоубийство. Там умер – тут воскрес. Не хочу! Нет, я понимаю: умирать страшно только по первому разу – потом

привыкнешь... Все равно не хочу! И ничего не могу с собой поделать...

Выспрашивал знакомых, что они при этом чувствуют. Ничего, говорят, не чувствуем. Пых – и там! Кончай, говорят, ерундой заниматься, а то неловко уже за тебя...

В чем-то они, конечно, правы. Не жизнь, а сплошное неудобство. Взять, к примеру, обеденный перерыв. Возле того перекрестка, где меня чуть было не загребли сегодня в свидетели, притаился замечательный погребок. Кормят вкусно и дешево. Насыщаться мне, однако, приходится в гордом одиночестве: пока доберусь туда на своих двоих, Тоха и Тася как раз доедят второе. Не сидеть же им и не ждать меня, в самом-то деле...

Кстати, в погребке имеется и служба доставки, но то ли юные мои сослуживцы предпочитают питаться в более культурной обстановке, нежели наша подсобка, то ли брезгуют телепортированной пищей. Если так, то совсем смешно...

Но нет худа без добра. Накрепко затвердив мамины заветы, в каждом неудобстве я нахожу свою прелесть. Например, пешая прогулка полезнее телепортации – иначе с возрастом обезножешь. Маршрут мой пролегает через тот же скверик, поскольку на пути нет ни единой блямбы, а стало быть, иди смело, без опасения влететь в выскочившего прямо перед тобой портача.

А блямбы отсутствуют потому, что скверик – пешеходная зона и, кстати, место сбора оппозиции. Митингуют, бра-

нят эпоху, агитируют... Слышали бы вы, как они искажают и уродуют мои заветные мысли, выдавая их в таком дурацком виде, что начинаешь уже сомневаться в собственных убеждениях! Поэтому сам я в их компанию вторгаюсь редко.

Час дня. Все скамьи заняты. На одной из них я замечаю сегодняшнюю свою знакомую. На сей раз она охмуряет тощую девицу в трауре. Одно слово – стервятники. У человека горе, а она ей про геенну огненную! Подойти, что ли, вмешаться?.. Впрочем, вскоре выясняется, что помощь девице не нужна – судя по всему, особа хладнокровная, возможно, опытная. Невнимательно дослушав до конца ужастик про круговорот бесов в природе, кивает, встает.

– Простите, – говорит. – Мне пора...

И направляется к выходу из сквера. Некоторое время мы с ней движемся параллельными курсами. Кошусь украдкой. У девицы профиль грифа и подчеркнуто прямая осанка.

– Достала она вас? – не удерживаюсь я от сочувственного вопроса.

Медленный поворот головы в плоской черной шапочке с вуалеткой.

– Вы ее знаете? – осведомляется нечаянная попутчица.

– С сегодняшнего утра.

Величественный кивок.

– Завидую вашей выдержке... – не могу не признаться я.

– Такая работа, – равнодушно роняет она.

– А где вы, простите, работаете?

– В похоронном бюро.

Слава те господи! Я уж думал, у нее помер кто. Внезапно меня разбирает любопытство.

– Слушайте, а как сейчас хоронят? Что-то я в последнее время ни одной процессии не встречал...

Коротко пожимает плечами.

– Так же, как и раньше. Обрядность прежняя, изменился только способ доставки.

– Неужто телепортируют?

– Разумеется. Из дому теперь не выносят. Сразу на кладбище, а там уже отпевают... Вы просто так интересуетесь или?..

– Просто так.

По-моему, она слегка разочарована.

– Ну а вот... катафалки там... – продолжаю допытываться я.

– Катафалки давно сданы в металлолом. Все, кроме одного. Если пройдете со мной полквартала, вы его увидите.

Мы проныриваем под кованой аркой и оказываемся на проспекте. Действительно, вдали на узенькой, как тротуар, проезжей части траурно то ли синее, то ли чернеет самый настоящий катафалк с серебряными веночками на дверцах.

– Вы его берегите, – говорю я. – Не исключено, что мне на нем ехать.

Она останавливается и пристально смотрит на меня сквозь вуалетку.

– Ни разу не телепортировали?

– Ни разу.

– Тогда вы, пожалуй, и впрямь будущий мой клиент. Я как раз такими и занимаюсь... Кстати, не подскажете: где здесь можно перекусить поблизости?

– Не только подскажу, но и покажу. Я как раз туда и направляюсь.

* * *

Редкий случай: обедаю с сотрапезником. Более того – с сотрапезницей. Она, кстати, так и не сняла траурной своей вуалетки, что, впрочем, не мешает ей ни вкушать чахохбили под сырной корочкой, ни вести непринужденную беседу с возможным будущим клиентом.

Клиент (то бишь я) поначалу сомневается, уместна ли за столом болтовня на загробные темы, но вскоре понимает: вполне уместна. Маргарита Марковна (так она представилась) – профессионал, какие тут могут быть церемонии!

– А хоронить с помощью телепортации еще не пробовали?

– Как это?

– Н-ну... чем копать могилы, засыпать... Взять и телепортировать гроб с покойником в землю!

– Да ну, глупости какие!

– Почему глупости?

Насмешливый взгляд сквозь крапчатую черную сеточку.

– Слушайте, вы даже не динозавр. Вы трилобит. Ни под землю, ни под воду вы ничего отправить не сможете – давление среды не позволит... И даже если бы позволило! Это же сначала нужно блямбу захоронить. На те же полтора метра. Ну и какой смысл?

Впрочем, вскоре разговор съезжает с кладбищенских мотивов на некоторые обстоятельства нашего знакомства.

– А к вам-то она чего привязалась? – недоумеваю я. – Ко мне – ладно! Видит, что я без телика... А к вам?

– А у меня телик в сумочке. Должно быть, не заметила.

– И как вам понравилась эта ее шиза?

– Насчет того, что телепортировавший остается в аду?

– Да... А на его месте возникает бес.

– Я похожа на беса?

Элементарная вежливость требует от меня признания в том, что она похожа на ангела, но как-то, знаете, язык не поворачивается. Ангел с профилем грифа? В черной вуалетке с мушками?

– Н-ну... если бы все бесы были похожи на вас, – изворачиваюсь я со всей возможной куртуазностью, – я бы не отказался очутиться в преисподней...

– И что вам мешает?

– Телика нет.

– Ну так приобретите. Мини-маркеты на каждом перекрестке...

Освещение в зале приглушенное, поэтому бледно-золо-

тистая вспышка, полыхнувшая в дальнем углу, кажется особенно яркой. Те посетители, которым случилось оказаться поближе к ее эпицентру, роняют ложки и вилки, принимаются протирать глаза. Взрыв возмущения:

– Что ж это за свинство такое? Предупреждать надо! Люди едят...

– На улицу выйти не мог? Хотя бы на лестницу! Додумался: прямо из-за стола...

– Да пьяный он, чего вы хотите?..

Прибежавший на шум официант связывается по сотику то ли с охраной, то ли с полицией, просит пробить номер нарушителя. Тот, выясняется, еще и не расплатился вдобавок.

– Видите ли, – дождавшись относительной тишины, доверительно сообщает мне Маргарита Марковна. – Я – католичка.

О господи! Что за день такой сегодня конфессиональный! Теперь еще и католичка!

– Так... И что?

– И все. Как я еще могла отнестись к этим ее фантазиям?

– И как же?

Отодвигает тарелку, улыбается.

– Пожалуйста. Вы, конечно, вправе сомневаться относительно меня, но мне-то самой точно известно, что я не бес. Я – это я. И я совершенно спокойна за наши с вами души... Видели цвет вспышки?

Я оглядываюсь на опустевший столик в углу.

– Он золотистый, – поясняет она.

– Та-ак...

– Он не густо-красный. Это не адское пламя, это пламя чистилища...

Сижу, не донеся вилки до рта. Чувствую себя последним идиотом.

– Каждый раз, телепортировав... – голос Маргариты Марковны внезапно обретает мечтательные, а то и мистические нотки, – ...я ощущаю невероятную легкость, прилив сил, эмоциональный подъем... Как будто на исповедь сходила, и все мои грехи отпущены! Да вы и сами, наверное... Ах да! – спохватывается она. – Вы же еще ни разу...

Гляжу на нее и испытываю величайшую неловкость. Такой она мне казалась рассудительной, разумной, даже слегка циничной... И вот на тебе!

– Хорошо вам... – выдавливаю наконец. – Но я-то православный!

– Никакой разницы! – с чувством возражает она. – Я побывала в чистилище – вы побывали в аду... То есть не побывали еще – могли побывать! В любом случае грехи будут мгновенно искуплены... выжжены...

– Да, но цвет-то пламени – золотистый!

– Н-ну... может, он и в аду золотистый...

– Минутку! – прерываю я ее. – В аду страдания – вечные!

– Совершенно верно! Но для Всевышнего, вы ж понимаете, времени не существует. Ему ничего не стоит уместить

вечность в той доле секунды, за которую мы телепортируем... Вы разом отбыли свой срок!

– Пых – и безгрешен? – не удерживаюсь я от иронии.

Собеседница внимательно на меня смотрит.

– А вы в самом деле православный? – с подозрением спрашивает она.

* * *

С обеда я тоже стараюсь не опаздывать. Сворачиваю в наш переулочек и вижу у раздвинутых дверей родной конторы небольшое скопление народа в количестве трех человек. Долговязый Станислав Казимирович и двое незнакомцев в синих робах. И что-то становится мне слегка тревожно. Кажется, обсуждают наш морально устаревший фасад.

Подхожу.

– Целиком ничего менять не будем, – раздраженно втолковывает Стас. – Просто вместо дверей ставим такую же секцию. Из такого же стекла... Остальное все как было, так и остается.

Чуяло мое сердце!

– Стас! – говорю я. – Зачем?

Он оборачивается.

– Что зачем?

Мы со Стасом не только ровесники, мы еще и друзья детства, почему я, собственно, и получил должность менеджера

по продажам. Проще говоря, продавца. При Тохе и Тасе я обычно обращаюсь к боссу по имени-отчеству, но сейчас их поблизости нет, да и ситуация такая, что не до этикета.

– Но ты же видел сегодня, Стас! Единственный клиент за все утро! И он в двери вошел, в двери! Не портанулся – вошел...

– Сегодня – да, – нехотя соглашается он. – А раньше?

Тут мне возразить нечего. Да, действительно, случай и впрямь выпал довольно редкий. Обычно посетители поступают иначе: пых – и тут.

– Стас... – говорю я – и самому неприятно слышать свой собственный жалобный голос. – Ну ты же знаешь, фобия у меня на телепортацию...

– Придурь у тебя, а не фобия! – ошетинивается он, но тут же снижает голос на полтона (все-таки друзья детства). – Фобия у него... К психотерапевту обратиться...

– Ну так как с фасадом решим? – вмешивается один из незнакомцев.

– Решили уже! – в сердцах рявкает на него Стас. – Фасад не трогаем. Только двери!..

* * *

Не о том я говорил с Маргаритой Марковной. Надо было вот о чем спросить: не требуется ли им какой-нибудь, скажем, гробокопатель? Хотя нет. Даже если бы и требовался!

В пределах города, как я от нее узнал, все кладбища сейчас закрыты, простых смертных хоронить там запрещено. А до новых погостов можно добраться опять-таки только с помощью телепортации.

Впрочем, в их фирме еще имеется катафалк для клиентов с предрассудками, сам видел. Но ведь и шофером не устроишься, с автомобилями, напоминая, у меня тоже отношения натянутые, машину водить не умею.

– Станислав Казимирович, – обращаюсь я в тоске к другу детства. – А двери когда убирать будем?

– Где-то через недельку...

Стало быть, времени у меня – всего ничего. Нужно ведь не просто найти работу, нужно еще, чтобы она располагалась в зоне досягаемости пешкодралом.

Стасу и самому неловко. Посетителей по-прежнему нет. Хмурится, побряхтывает. Наконец подходит ко мне, возлагает руку на плечо.

– Давай-ка пойдем потолкуем...

И, провожаемые понимающими взглядами Тохи и Таси, мы удаляемся в его тесный кабинетик. Там Стас извлекает из сейфа початую стеклянную фляжку коньяка и пару крохотных яшмовых рюмочек, наливает мне, потом – себе. Негромко чокаемся.

– Ты пойми... – помявшись, заводит он проникновенную речь. – С дверьми это ведь не я придумал. Мы целиком зависим от фирмы-производителя. А там кто-то шибко умный

нашелся... Рекомендуют убрать.

– Рекомендуют? – с надеждой переспрашиваю я. – Или приказывают?

– В данном случае это одно и то же, – ворчливо отзывается Стас. – Не хочется мне тебя терять, – признается он. – Не потому, что ты работник хороший! Работник ты, между нами, хреновенький... Просто потому что... Короче, сам понимаешь, почему...

Угрюмо киваю. Как-никак в одном дворе росли.

– Все-таки решил увольняться? – отрывисто спрашивает Стас.

– Ну а что делать?

Станислав Казимирович приглушенно рычит и вновь наполняет рюмки. Длинное узкое лицо, унылый нос, усики перышками. И тоже, наверное, католик. Такой же католик, как я православный.

– Ты на котором этаже живешь? На двенадцатом?

– На десятом...

– Лифты демонтируют – пешком подыматься будешь?

– Лифты?... – пугаюсь я.

– Запросто! Новые дома – видел? Там даже пролетов нет лестничных... Не предусмотрены.

С судорожным вздохом выцеживаю вторую рюмку, бессмысленно верчу ее в пальцах.

– А знаешь, что? – бодро предлагает Стас. – Примем-ка мы сейчас с тобой по третьей – для храбрости, вернемся в

торговый зал, возьмешь ты телик...

– Даже не думай!

– Бесплатно и насовсем! – Он повышает голос, воздев при этом длинный указательный палец, и слегка выкатывает бледно-голубые, почти бесцветные глаза. – Приз за отвагу! А? Выставочную модель подарю... А хочешь, я тебе зарплату повышу? Ну не в два раза, конечно, но...

– Прямо бес-искуситель... – криво усмехаюсь я.

– Ну! – живо подхватывает он. – Кого ж мне еще искушать-то? Только тебя! Я – бес, ты – праведник. В преисподней нам, знаешь, какие бонусы за каждого праведника причитаются?..

– Погоди-ка... – Я отставляю пустую рюмку. – А ты где про бесов услышал?

– Да Тоха рассказал, как тебя там сегодня в сквере просвещали...

А какие еще варианты? Поступить охранником в тот погребок, где мы обычно обедаем? Кто меня туда примет? Ни навыков, ни подготовки... Кроме того, у охранников свой профсоюз, человеку со стороны лучше и не соваться...

Да, мама, обложили твоего сына со всех сторон, податься некуда. Двери вон демонтируют, лифты...

А собственно, что меня останавливает, кроме страха? Принципы? Какие, к черту, принципы, если сам теликами торгую! А уж если взять на вооружение безумную версию дамы из сквера... Изящная, кстати, версия! Раньше люди про-

давали душу дьяволу, а теперь, выходит, сами платят за то, чтобы приобрести орудие самоубийства и добровольно отправиться в ад. А я, весь такой чистенький, им в этом способствую...

Правда, есть еще не менее безумная версия Маргариты Марковны... и публичное заявление патриарха...

Станислав Казимирович тем временем решительно разливает коньяк по рюмочкам.

– Собрался! – командует он. – Встать! Смирно! Локоток!..

Мы встаем, лихо по-гусарски отставляем локоток и выпиваем по третьей.

– Ну?!

– Хрен с тобой... – обессиленно выдыхаю я. – Убедил...

* * *

– Господа! – с пафосом провозглашает Стас, распахивая дверь кабинетика. – Позвольте всех поздравить!

Тоха с Тасей видят наши лица и мгновенно догадываются, что случилось. Оба вскакивают, раздражаются аплодисментами, а Тася вдобавок испускает тоненький ликующий вопль.

– Позвольте приступить к церемонии! – вдохновенно объявляет Стас. – К посвящению, так сказать! Ко введению во храм телепортации и причислению к лику бесов...

Аплодисменты и вопль повторяются. Станислав Казимирович подводит меня к стеллажу, на коем возлежат самые

что ни на есть крутые телики.

– Выбирай!

– Можно я? – умоляюще просит Тася. – Он же сейчас самый дешевый выберет!..

– Ладно, грабьте... – ухмыляется Стас.

И Тася, естественно, выбирает дорогуший гаджет последней модели. Я знаю, как с ним обращаться, – все-таки менеджер по продажам. Медленно-медленно набираю номер нашей демонстрационной блямбы. Состояние скверное, подавленное, и все же копошится где-то там внутри некое любопытство: что я сейчас почувствую? Неужто и вправду ничего?

– Смелее! – подбадривают меня. – Пых – и там!

Резко выдыхаю и, решившись, жму стартовую клавишу.

* * *

Стоп! А тот ли я набрал код? Во-первых, ночь. Вернее, не то чтобы ночь, но какие-то серо-багровые сумерки. Пологие склоны, скалы, зарницы над пепельным горизонтом. Под ногами что-то вроде пемзы, и она слегка подрагивает. Откуда-то приходит негромкий, но жуткий звук: то ли вздох, то ли дальний грохот, словно где-то там тяжело просел огромный пласт земли. Куда это меня занесло? В жерло вулкана?

Рядом возникает Стас.

– С прибытием тебя, – устало усмехается он.

– Где мы?!

– А сам еще не понял?

Но я уже смотрю во все глаза на спускающиеся к нам по серо-багровому пологому склону две козлоногие фигуры с черными перепончатыми крыльями за спиной.

– Кто такие?.. – В горле першит, вопрос почти не слышен.

– Смена, – безразлично отзывается Стас.

Удивительно, однако страха я почти не чувствую. Такое ощущение, будто все это происходит не со мной. Возможно, шок.

Тем временем двое подступают к нам вплотную. Глаза – как бельма. Один останавливается перед Стасом, другой обходит меня кругом, присматриваясь.

– Не вертись, – хрипло велит он мне.

Я замираю.

– Ну так что там с теткой? – спрашивает Стаса первый.

– Да пусть живет, – нехотя отвечает тот. – Найти бы того, кто ей все это разболтал...

– Думаешь, кто-нибудь из наших?

– Ну не сама же она доперла... – Он поворачивается ко второму. – Ты долго еще вошкаться будешь?

И адское творенье, глядя мне в глаза, начинает меняться. Черные перепончатые крылья съеживаются, словно плавающий битум, рыло сминается подобно кому сырой глины в руках скульптора и светлеет, мало-помалу перелепливаясь в лицо. Мое лицо.

Стою как перед зеркалом.

– Дай сюда... – говорит мне двойник. – Тебе это больше не понадобится...

Отбирает у меня подаренный Стасом гаджет и, полыхнув на прощанье, исчезает.

Выходит, соврала тетка. Никакой это не отсвет пламени преисподней или чистилища. Просто вспышка. Чисто технический момент.

Пологий склон приходит в движение. В багровом полумраке образуется довольно большая толпа и подбирается поближе. Многих я узнаю: Тоха, Тася, старичок со старушкой, что поругались сегодня утром, не по сезону тепло одетый афроамериканец, полицейский, Маргарита Марковна в черной вуалетке... Все смотрят на меня и невесело скалятся.

Кто они? Бесы, принявшие облик моих знакомых, или сами знакомые – делегация из геенны огненной? Вроде ни у кого в руках телика нет... Наверное, все-таки люди. Грешники, покончившие жизнь телепортацией. Новичка встречают...

Среди них я не вижу лишь владельца джипа и той тетеньки из сквера... И мамы тоже не вижу. Но уже в следующую секунду понимаю, что мамы тут нет и быть не может.

Мама в раю.

Март 2020,

Волгоград

Дарья Зарубина

Все свои

Майское солнце било в глаза. Ослепшая Марина едва не налетела на створку серых железных ворот. Посыпалась хлопьями из-под пальцев краска. Но грозная на вид дверь легко поддалась, и девушка протиснулась в узкий проход между желтой стеной и нестругаными досками забора, отделявшего закуток от соседнего двора. Подсвеченная солнцем желтизна стены отражалась в ошалевших от света зрачках болотной зелены.

Внезапно узкий проулок вывел Марину на широкий внутренний двор. Под запыленными липами сохло белье, а на квадратной трансформаторной будке, дерзко выставившей из кустов синий бок, белело несколько надписей. К стандартному «Тр-р 1» какой-то местный шутник криво приписал краской через черточку еще одну «р». Ниже крупным детским почерком другой весельчак добавил: «Поехали!»

«Он сказал: «Поехали» – и махнул рукой», – подумала Марина, скользнув взглядом по надписи и выискивая в душевной пустоте двора кого-нибудь из жильцов.

На привычном месте возле двери углового подъезда стояла скамейка. С одной стороны вместо ножки был подставлен толстый спил липы. Скамейка сильно осела на более тон-

кие, первоначально предназначенные ей ноги, зато подставная, липовая нога держала хорошо. Вдоль этой липовой ноги тянулась почти до самого асфальта тонкая белая полоска. Полоска заканчивалась широкой щиколоткой и большой синей клетчатой гамашей. Присмотревшись, Марина разглядела выше белой полосы еще одну. Стало понятно, что белые струйки принадлежат бежевым, под цвет выцветших каменных стен дома, тренировочным штанам. Белоснежные лампасы тонкими ручейками устремлялись вверх и впадали в обширное море застиранной светлой футболки. Выше располагалось неприветливое лицо хозяина футболки.

Лицо было некрасивым, даже бандитским на вид. Сразу под покатым дикарским лбом зияли черными стеклами солнцезащитные очки. Марина растерянно оглянулась по сторонам, определяя пути отступления, потом вымученно улыбнулась и махнула рукой. Но мужчина даже не повернул головы, чтобы разглядеть пришедшую. Видимо, спал.

Сидящему на скамейке было около сорока. На худощавое поблескивала цепочка, а сквозь тонкую ткань футболки здесь и там темнели на теле пятна – Маринка с ужасом поняла, что это татуировки.

Она уже собралась развернуться и уйти, но в этот момент из кустов, буйно разросшихся в глубине двора, с шумом и сопением выбралась большая черная собака и неторопливо приблизилась к скамейке. Марина проследила за ней напряженным взглядом. Собака приветливо махнула хвостом.

– Ну и куда мы так крадемся? – внезапно, не меняя положения расслабленно откинутой назад головы, насмешливо спросил сидевший на скамейке.

– Я не крадусь, – ответила Марина.

Мужчина сел прямо с видом крайней заинтересованности и преувеличенно серьезно спросил:

– Шпионов отслеживаете? Так у нас есть тут пара-тройка. Вы каких предпочитаете?

– Я никаких не предпочитаю. Я ищу коммунальную квартиру номер одиннадцать, – обиделась девушка.

– Вы ее нашли, – ответил незнакомец, устремив на нее черные стекла очков. – Что дальше делать будете?

– Жить буду, – грубо отозвалась Марина, которой не терпелось поскорее закончить разговор с неприятным незнакомцем. Даже если для этого придется показаться невоспитанной.

– Милости просим, – проговорил сидящий. – А вот хамить, моя дорогая, дело неблагодарное. Не приобретайте привычки наживать врагов из числа тех, с кем делите один кухонный шкафчик.

– То есть? – не поняла Марина.

– Есть-то, может, вместе и не придется, а готовить – обязательно, – пояснил сидящий на скамье. – Если вы собираетесь поселиться в комнате номер восемь, то я теперь ваш ближайший сосед, лучшая подружка, гуру и родная бабушка. А зовут меня, милая барышня, дядя Витя.

Марина заметила сама себе, что здравый смысл в словах нового знакомого, несомненно, присутствует, и решила немедленно прикопать топор войны. С этой целью придав лицу наивно-придурковатый вид, она добродушно кивнула, расплылась в милой улыбке и, не без внутреннего содрогания, подала дяде Вите развернутую ладонью вверх руку. Пальцы у нового соседа оказались совсем не противные, даже теплые.

— А это?... — Марина покосилась на громадную черную псину, которая в ответ открыла рот и высунула широкий розовый язык.

— А это Серый, — ответил дядя Витя.

— Какой же он Серый, когда он черный? — удивилась сбивая с толку Марина.

— Вот тебя как зовут, дорогуша? — спросил дядя Витя.

— Марина. — Она смутилась, поняв, что забыла представиться.

— А на вид — Мариванна, — философски прицокнув языком, резюмировал дядя Витя. — Непостижимая тайна природы!

Он поднял вверх указательный палец, словно этот палец должен был указать Марине ответ на все вопросы.

— Зачем вы насмехаетесь? — обиженно прошептала девушка, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы. — Лучше скажите, куда мне идти. И я пойду.

— Да ладно, мать, не соплись. — Дядя Витя поднялся со

скамейки и примирительно хлопнул новую соседку по плечу. – Серый и Серый, Марина так Марина. Никаких тайн, все боженька управил...

– А вы что же, верите? – удивилась Марина, заглядывая на ходу в лицо дяди Вити.

– Нет, – спокойно отозвался он. – Это я тебя утешаю. Заходи, а то дверь отпущу, и она тебя по спине огреет.

Дядя Витя с усилием держал хлипкую деревянную дверь, сидевшую на разболтанных петлях. Зато дверная пружина была массивной, толстой и явно не благоволила гостям. Собака, видимо наученная опытом, мгновенно проскользнула внутрь.

Когда Марина вошла, дядя Витя, козелком отпрыгнув, резко отпустил дверь, и она с грохотом захлопнулась. С потолка сорвался маленький, размером с трамвайный талончик, кусок штукатурки.

– Как же вы заходите? – спросила Марина, боязливо косясь на дверь.

Дядя Витя потер ладонью тощую шею:

– Ничего, голуба моя, привыкнешь. Рывком распахиваешь – и впрыгивай. Только задницу береги. Может, и не достанет. А если зацепит – так к самой комнате добросит. С доставкой на дом. – Дядя Витя усмехнулся и повернул за угол.

Девушка осторожно шла за ним.

Квартира была огромной. Маринка даже приоткрыла рот, но потом опомнилась и сурово сжала челюсти, надеясь, что

дядя Витя не заметил ее удивления. Полтора десятка метров в глубь дома вел широкий коридор. Синие стены, вытертые до дерева бурые половицы, двери.

Двери были все деревянные, крашеные, кособокие, разномастные. Ручки тоже были разные. Одна, с косматой львиной головой, почему-то показалась Маринке страшной, даже зловещей. По коже побежали мурашки. В ногу ткнулся влажным носом Серый и застучал толстым хвостом по полу.

В этот самый момент из-за бежевой облупившейся двери с номером два послышался детский плач, потом звук отодвигаемого стула, звонкий шлепок и раздраженное бормотание. И в то же мгновение с другой стороны, из-за спины, резко обрушился водопадный грохот сливного бачка и скрип просевших половиц.

Марина отпрыгнула к стене и прижала к груди сумку.

Из-за угла, совершенно не обращая внимание на вошедших, прошаркал, стуча большими тяжелыми ботинками, всклокоченный старик. От старика шел тошнотворный кислый запах. Маринка опустила голову, чтобы не смотреть на гадкого деда, но в тот же момент заметила на полу мокрые следы.

«Это он, наверное, в туалете мимо унитаза... – с содроганием подумала она, – а потом ботинками...»

Маринку замутило, к горлу подкатила тошнота. Пришлось поспешно прикрыть рот и нос ладонью.

Дядя Витя проследил за ее взглядом и снисходительно

усмехнулся.

– Эт ниче, мать, пообвыкнешься, – преувеличенно окая, пообещал дядя Витя, – на селе все свои. Галя, – крикнул он в закрытую дверь, за которой плакал ребенок, – Яковлич опять оконфузился. Подотрешь? Или занята?

– Ладно, – ответил из-за двери высокий женский голос, и ребенок заплакал с удвоенной силой.

Маринка расстроилась и шла теперь тихо, вовсе опустив голову.

Дядя Витя открыл перед ней белую дверь с разболтанной металлической ручкой.

– Ваши ап... Короче, твоя комната. Смотри, обживайся, – серьезно сказал он, почувствовав, что новой жиличке совсем худо и тоскливо. – Вещи тут остались от прошлого жилья. Какие нужно, себе оставь. А остальное... позовешь меня или вон из шестой. На помойку отнесем.

Марина оглядела комнату.

По правде говоря, она представляла себе все совершенно иначе. Хотя комната была даже ничего: светлая, квадратная – четыре на четыре, с большим окном. На окне висел желтый от времени давно не стиранный тюль, но занавески не было. У самого окна стоял овальный стол с круглыми темно-коричневыми следами, по всей видимости, от горячей сковороды. У стола – деревянный стул, выгнутый как кошачья спина. У стены – узкая голая кровать с панцирной сеткой.

От вида сетки в груди что-то сжалось и противно заныло.

Стало одиноко.

Странно было начинать новую, взрослую жизнь вот с такого вот железного остова. Ей почему-то казалось, что комната, в которой она будет жить, должна быть пустая. Только светлые стены, большое окно, стол, кровать, стул. Тут так и было, только пустоты отчего-то не было. Той пустоты, которую должна была занять она, Маринка. В этой комнате все еще кто-то жил. В этих кругах от сковородки на столе, в этом замызганном тюле...

У самой двери криво висела металлическая вешалка, закрытая цветной тряпкой, возможно застиранным женским халатом. И в этом всем тоже будто бы обитала чья-то душа. Душа очень грустная и ужасно усталая.

Под вешалкой стояла какая-то обувь и пара узлов с одеждой.

– А кто здесь раньше жил, – спросила Марина, – он что, умер?

– Бог с тобой, золотая рыбка, – ответил дядя Витя, – родственники забрали. В Воркуту. Завернули деда Михалыча в пальто и увезли. Матрас и подушку забрали, а остальное Галка в узел завязала.

– А у меня подушки нет, – жалобно прошептала Маринка. Дядя Витя растерянно поскреб пальцами короткий русый ежик на макушке.

– Да, деваха, – сказал он озадаченно. – Замуж идти, а приданого две дырки в носу да одна на мысу. Хотя... и с тем

живут не тужат. Ладно, поищем тебе, дурехе, подушку.

Маринка присказки не поняла, но обещанию раздобыть подушку искренне обрадовалась. А еще тому, что жив незнакомый Михалыч и, значит, не будет являться ей по ночам из старого халата.

* * *

Дядя Витя скрылся за дверью. Маринка подошла к подоконнику и осторожно провела по нему пальцем. В пыли осталась грязно-белая полоса. На пальце – темно-серое жирное пятно.

Девушка отряхнула руки, стащила с вешалки у двери старый халат, поставила на кровать сумку, вытащила из кармашка носовой платок, брезгливо протерла пустую вешалку. Сняла и повесила ветровку.

На пороге появился дядя Витя, швырнул на сумку серую подушку и молча отсалютовал кривыми пальцами недалеко от темных очков.

Маринка хотела поблагодарить, но в этот момент за его спиной раздался женский голос.

– Вить, ты чего это в помещении в очках интересничаешь? – спросила молодая женщина, протискиваясь мимо благодетеля в дверь. Увидев Маринку, она прищурила и без того небольшие серые глаза и, брезгливо сморщившись, спросила: – Девоч водить теперь сюда будешь?

– А то, – вызываясь буркнул дядя Витя. – Смотри, какую кралю отхватил. Одних мозгов грамм сто, а то и сто писят. Ты, Галка, человека не пугай. Ему тут еще жить.

Женщина фыркнула, подхватила застиранный халат, принялась сворачивать.

– Из этого, – она качнула головой в сторону вешалки и сваленного под ней добра, одновременно придирчиво осматривая девушку с головы до ног, – брать будешь что или сразу Сережу позвать? Может, мозгу в тебе и хватает, а вот до помойки ты все это сама не дотащишь...

– Я в институт буду поступать, – начала Маринка, словно оправдываясь за что-то перед суровой Галкой.

Та скептически поджала губы и собиралась ответить, но в этот момент заплакал ребенок, и соседка молча выбежала за дверь, крикнув на бегу куда-то в гулкую пустоту коридора:

– Сережа...

Открылась дверь. И тот же косматый старик отрешенно прошествовал на общую кухню. От кислого запаха Маринку повело, ноги подкосились, комнату крутануло перед глазами, деревянный пол ударил в плечо и бедро.

– Эк ты кисейная барышня, – констатировал дядя Витя, так и не подав руки, а Серый ткнулся носом в лицо девушке. – К Яковличу привыкнуть надо. Мы-то уж приняхались, а попервоначально многих мутило. Но ты не дрейфь, через пару недель и не заметишь даже, что он прошел. Только вот подтираем по очереди, это ты учти...

Теплые, чуть дрожащие руки подняли Маринку, возле лица оказалась шершавая ткань футболки.

«Наверное, дядя Витя», – подумала девушка, не открывая глаз, заволновалась. Руки дрожат – а если выпил дядя Витя с утра, уронит еще. Испугаться как-то не пришло в голову. Слишком уж плыло перед глазами серое густое марево и звенело в ушах. Где-то внизу сопел и стучал хвостом Серый. От футболки, прильнувшей к щеке, пахло мылом. И Маринка с удивлением подумала, что такой человек, как дядя Витя, должен пахнуть табаком или одеколоном каким-нибудь жутким. А мыло пахло приятно.

Руки неуклюже опустили ее на край голой кровати. Маринка нащупала панцирную сетку, вцепилась пальцами, чувствуя, как отпускает тошнота. Теплая рука потрогала ее лоб. Холодный нос Серого ткнулся в колени.

– Ну, как наша принцесса? – спросил от двери дядя Витя. Маринка испуганно открыла глаза.

Перед ней на корточках сидел длинный как жердь молодой человек в вытянутой футболке и тренировочных штанах и с тревогой рассматривал девушку через очки в толстой пластмассовой оправе.

– Вроде очнулась, – неуверенно отозвался ботаник, нервно вытирая о штаны вспотевшие ладони. Маринка в упор смотрела на него, стараясь понять, как относиться к этому недоразумению. Под ее взглядом молодой человек окончательно стушевался и, поднявшись, побрел к двери.

– Галка сказала, Михалычево барахло на помойку надо вынести. Тащить или оставить чего?

– Тащи-тащи, Сережа, – буркнул дядя Витя, ухмыляясь, – а то совсем своими трениками девушку засмущал...

Сережа, нелепо пятясь к двери, подхватил узлы и кое-как выбрался в коридор, не сводя с новой жилички испуганных глаз. Дядя Витя подобрал оставшееся, свалил на стул.

– Ладно, мать, – подмигнул он, – располагайся, переваривай впечатления, раскладывай вещички. Ужинаем сегодня вместе, потому как в твоей сумке я следов харчей не вижу. Да и Серый тоже.

Пес кружил возле Маринкиного багажа, шумно принюхиваясь.

– Насчет Галки ты не переживай, она у нас не злая, просто осторожная насчет новичков... – словно через силу, тщательно подбирая слова, тихо проговорил дядя Витя. – Мы тут, Марина, живем одной семьей. И друг друга стараемся поддержать. Не будешь гадить, где живешь, это и твоя семья будет... И насчет меня ничего такого не думай и не опасайся. Я принцесс не ем.

Дядя Витя хохотнул, подхватывая со стула линялое тряпье, и вышел в коридор. Через приоткрытую дверь Маринка видела, как с кухни прошаркал в свою комнату старик Яковлич.

Жар спал, и заглянувший в комнату дядя Витя объявил, что ужинать будут во дворе, под липами. Длинный угловатый Сережа и веселый красивый мальчик лет пятнадцати шумно ворвались в комнату.

– Я Миша, – объявил паренек, подмигивая Маринке. – Нам стол надо. Только этот раскладывается. Тогда все сядем.

– Вам стол нужен? – переспросила девушка.

– Ага, – отозвался Миша, – типа того.

А бледный от волнения Сережа только кивнул, подтверждая его слова. Глаза его сами собой остановились на коротенькой олимпийке Марины. Девушка потянула вверх застежку – взгляд Сережи последовал за ее рукой. Маринка хотела было окоротить глазеющего ботаника, но от его робкого, почти песьего взгляда что-то тоненько заныло внутри – и девушка отвела взгляд. Миша деловито отодвигал от окна круглый стол со следами горячей сковороды.

– А ты кто? – спросил, не чинясь, словоохотливый Миша.

– Человек, – отозвалась Маринка, не ожидавшая вопроса.

– Лады, – отозвался Миша, видимо посчитавший, что такого ответа вполне достаточно. – А мы тут с отцом живем. В восьмой. Так что ты заходи, если что надо будет, а то Серегу от его книжек ливерной колбасой не выманишь...

Сергея покраснел, шумно выдохнул, взвалив на себя стол

и – красный как рак – боком выполз в коридор.

– По ходу, ты ему нравишься, – доверительным громким шепотом объявил Миша.

– Да ну тебя, – отмахнулась Марина, стараясь не улыбнуться. Отчего-то нравиться нескладному Сереже было очень приятно.

Сели ужинать под пыльными липами. Вместе с дядей Витей, Галиной, Мишей и его отцом – крупным, похожим на тюленя Иваном Ильичом. С краснеющим от каждой шутки Сережей. И даже старик Яковлич, сутуло сидящий чуть поодаль от стола и держащий на руках тарелку, не казался таким гадким, а выглядел скорее тихим городским юродивым.

Они не были добры – Галина ругалась на дядю Витю, с видимым раздражением подавала новой жиличке тарелки и то и дело заглядывала в окно – в комнате спал ее сын. Иван Ильич одергивал без умолку болтавшего Мишу. Миша дерзил. Дядя Витя перемежал саркастическое молчание язвительными шутками, вгонявшими в краску Сережу.

Они не были добры.

Но они были своими. Маринка, разморенная духотой летнего вечера, впала в странную, приятную сонливость и задумчиво наблюдала за новыми соседями. Они были семьей, в которую ее отчего-то приняли. Приняли без вопросов, без условий и испытательных сроков. Они переругивались и шутили друг с другом, не стесняясь новой знакомой. И прижатый сковородой стол, расшатанная кровать с провис-

шей панцирной сеткой, вонючие лужи за стариком Яковlichem – все это было более чем скромной ценой за то, чтобы снова почувствовать себя дома.

Когда Миша подобрал с общей тарелки последние крошки хлеба, все оживились. Принялись убирать. Галка составила посуду на скамью. Мужчины понесли стол. Старик снова пошаркал в туалет. С шипением ожило криво висящее над дверью в кухню радио, зашлось долгими гудками.

Миша сваливал в кухню посуду, а Галка мыла в общей раковине, расплескивая воду.

– В Москве восемнадцать часов. Прослушайте выпуск новостей.

– Витя! – крикнула Галка, со злостью намыливая тарелку.

– Граждане, будьте бдительны, – бубнило радио.

– Витя!

– ...в ходе рейда миграционной службы в пригороде столицы гражданин Суховейко А. А. сообщил, что возможно нахождение других представителей внеземных цивилизаций на территории нашего государства...

– Витя! – крикнула она почти отчаянно. Марина потянулась к радио, чтобы выключить, но не достала.

– В прозрачный летний вечер, – выкрикнуло радио птичьим голосом Агузаровой. – В столице тишина, и по Арбату марсианка идет совсем одна...

Подскочил Сережа, крутанул рычажок радиоточки и тотчас отпрыгнул, будто даже случайное прикосновение к Ма-

рине могло стоять ему жизни.

– Что? – спросил, входя на кухню, дядя Витя, у ног которого терся неотвязный Серый. На этот раз он был без очков. Глаза у дяди Вити оказались странные, очень светлые и какие-то водянистые. – Опять бдительности хотят? – спросил он весело. – Тарелками пугают, что, мол, подлые летают? То у них собаки лают, то руины говорят?

– У них заговорят... – мрачно заметила Галка.

– Галина, зря ты в кино на «Чужого» ходила. Ты, Галка, ксенофоб. Это плохо, – наставительно заметил дядя Витя. – А ты, Мариванна? Ксенофоб?

Марина замотала головой.

– Вон, Сережа у нас тоже ксенофоб, – авторитетно заявил дядя Витя. Сережа сердито шмыгнул носом и выскочил в коридор, хлопнул дверью своей комнаты. – Читает про чужих – и боится.

– Да он и своих-то боится, – отрезала Галка.

– Тетя Галь, а это как будет по-научному, – встрял Мишка, принесший с улицы еще порцию грязной посуды.

– Он у нас ксеноантропосоциофоб, – сказала Галка, и Марина глянула на нее с удивлением. А не так проста оказалась соседка. Мишка заржал. – А ты просто неуч.

– Я спортсмен, мне можно. В следующем году за область буду плавать. – Мишка гордо выпятил грудь и немедленно получил подзатыльник и грудку чистой посуды в руки.

– Можно мне? – попросила Маринка тихо.

– Что тебе? Чистой нет пока больше.

– Помыть...

Молодая женщина фыркнула, сдула волос, упавший на глаза.

– Ишь ты, не доросла еще... – отозвалась она насмешливо, – пойди лучше у себя обживайся, вещи разложи. А я справлюсь.

Она взяла со стола новую тарелку, а Маринка повернулась, чтобы уйти. В этот момент дверь на кухню качнулась, медленно открылась. И из темноты коридора появилась странная голова с вытянутым затылком. Две тонкие струнки слюны свисали из приоткрытого рта. Младенец неимоверно быстро вполз в кухню и ткнулся в ноги Маринке большим горячим лбом.

Она едва не вскрикнула. Отступила на шаг. Галина подхватила сына и поцеловала страшненького мальчика словно драгоценнейшее из сокровищ. Он заулыбался, роняя слюну, гортанно забулькал. Маринка попробовала улыбнуться, но не сумела.

– Ладно, домывай, – смиростивилась Галка, выходя из кухни и унося с собой маленькое чудовище. Маринка передернула плечами. Неприятный холодок прошел по спине.

– Это ты не переживай, – утешил Миша, расставляя по полкам подвесного шкафчика чистые тарелки. – Петя у нас не совсем здоровый. Но Галка его вытянет – другой такой матери не отыщешь во всей вселенной...

Миша сам оборвал себя, заторопился на улицу – вносить стулья. Маринка смутилась, расстроилась от собственной глупости и принялась за посуду.

* * *

Ложась спать, Маринка думала, что проспит завтра до полудня, так вымоталась. Хотя мыть комнату помогали все, за исключением Яковлича, который убрел в свою, едва за вечерело, и больше оттуда не доносилось ни звука. Помощники разошлись к полуночи, напившись чаю на общей кухне. Тараканы нетерпеливо караулили за батареей, дожидаясь, когда выключат свет, чтобы рвануть по плитам и шкафчикам с инспекцией.

– У меня мелок от тараканов есть, «Машенька», – предложила Марина, стараясь хоть как-то быть полезной за то, что ей все так помогают.

– Мариванна и есть, – заметил дядя Витя, шумно прихлебывая чай. – Еды не захватила, а мелок взяла. Дезинсектор хренов.

– Мы отраву не кладем и мелком не рисуем, – сказала Галка. – Чуть отвернешься, и Петя налижется дряни какой-нибудь. Ему ведь не объяснишь. Так что ты дай мне мелок, я выкину.

Галка перемыла кружки, и все разбрелись по комнатам, только Серый еще какое-то время легкой цокотной рысью

бегал по коридору, нюхал под дверями, может, искал чего-нибудь перекусить.

А потом Марина проснулась ночью. Ей было холодно. А может, просто зябко от какой-то неясной тревоги.

«На новом месте всегда плохо спится», — попыталась успокоить себя Марина, но сон не шел. В глухой тишине слышно было, как во дворе шевелят низкими ветками липы. В щели окна сочится ночная прохлада. Луна выбралась на крышу и теперь лезла в глаза, пробравшись в комнату через большую щель между шторами.

Шторы дала Галка, на время, пока Маринка сама не обживется, а то спать с голым окном страшно, мало ли, заглянет кто. Ветхий пыльный тюль сняли и сразу отнесли на помойку, до того он был плох.

На мгновение Маринке показалось, что кто-то заглянул в окно. Она едва не вскрикнула, села на скрипучей кровати.

Было тихо.

Оглушительно шаркая в тишине тапками, мимо двери пробрел Яковлич. Дождавшись, пока он скрипнет своей дверью, Маринка выбралась в коридор и ощупью по стене двинулась к туалету.

И тут за Галкиной дверью кто-то запел. Тихо и протяжно, низко захватывая горлом, слезно и жалостливо, а потом высоко, словно птица щебечет или кто смотрит за стенкой индийский фильм.

Марина прижалась к стене, замерла.

Кто-то завозился за Галкиной дверью.

– Ночь-полночь, а ты взялся петь, – заворчала соседка сонно. – Спи, Петя, спи!

Странный звук оборвался. Луна, переваливаясь с крыши на крышу, пролезла и в кухонное окно. На полу засветились мокрые следы от тапок Яковлича.

Марина зажала рот рукой и, хлопая ладонью по стене, чтоб не потерять дорогу и ни на что не налететь, бросилась к туалету.

* * *

– Мариванна, на реку с нами пойдешь? – звонко бросил Миша, без стука заглянув в дверь. – Ты что, спишь еще? Ничего себе нервная система!

– Я не Мариванна, – мрачно сообщила из-под одеяла Марина. Уснула она почти засветло, и теперь голова гудела, и что-то противно ныло в висках.

– Ладно, – примирительно сказал Миша. – Уважаемая Марина, отчества не знаю, на реку пойдешь... то есть пойдете?

– А почему ты без стукаходишь? – Марина, ворча, села на кровати. Ожесточенно потерла глаза. – Может, я не одета.

– А я уже заглядывал. Знаю, что ты одетая спишь. Так что...

Марина запустила в мальчишку подушкой. Мишка поймал ее, положил на стул у двери.

– А что такого-то? Тоже мне вид на Эльбрус. Все свои же... Ты на речку-то пойдешь, а то отец уже велики вывез. Можешь ногами или у папы на раме. Я тебя не увезу, ты вон какая кобыла... – Мишка запнулся, поймав злой Маринин взгляд, – то есть корова... Лань, в общем, большая.

– Я так понимаю, ты будешь тут стоять, пока я не соглашусь?

Мишка кивнул русой головой, заулыбался.

– А кто еще пойдет?

– Сережа пойдет, – подмигнул Мишка. – Я всего за полчаса уговорил.

– Измором взял?

– А то. Он покрепче тебя, долго отказывался. Галка не пойдет, у нее работы много, до обеда будет на машинке стучать. Дядя Витя хотел, но раздумал, а вот Серый с нами.

В подтверждение его слов в дверь просунулась большая лохматая голова. Серый нетерпеливо тявкнул.

Иван Ильич привязал на раму полотенце, так что Маринка почти не чувствовала выбоин асфальта. Когда свернули на грунтовку, стало потряхивать, и, боясь наделать себе синяков, она спрыгнула на землю и махнула, чтоб ехали без нее – осталось недалеко, можно и погулять.

Сережа, оглянувшись и не отыскав ее взглядом, тоже слез с велосипеда и пошел, ведя его за руль, нарочито медленно, чтобы Марина скорее его нагнала.

Какое-то время они шли рядом, упрямо молча. Сережа

глядел на дорогу перед собой, Марина озиралась, запоминая путь к реке. В выгоревшей до белого траве кто-то стрекотал и чиркал. Пахло полынью. Словно, свернув с асфальта на грунтовку, они пересекли какую-то волшебную черту, за которую не мог перебраться город. Из-за деревьев виднелись градирни ТЭЦ, крыши панельных пятиэтажек, но стоило отвернуться – и город исчезал, будто и не было его. Солнце пекло седую песчаную пыль под ногами, и кто-то разговаривал в белесой траве на летнем языке.

Маринка сняла босоножки, закинула на ремешках за плечо.

– Дядя Витя сказал, ты читать любишь?

– Ну да. – Сережа не поднял головы. Только крепче стиснул руль велика, коротко глянул на Маринкины босые ноги, и на щеках у него вспыхнули неровные красные пятна. Кажется, убежал бы, но не бросать же транспорт на дороге.

– А какие?

– Ну, всякие.

– А все-таки какие?

– Ну, разные л-люблю... читаю разные...

Послышался гул. Вынырнул из-за леса самолет и прошел низко над полем. Заложило уши.

– Тут аэродром совсем рядом, – сказал Сережа торопливо. – Все время летают.

– Ты про космос читаешь? – гнула свое Марина. – Про пришельцев?

– Ну, да.

– А ты веришь, что они правда могут скрываться у нас?

Сережа вздрогнул, бросил опасливый взгляд по сторонам, буркнул:

– В смысле?

– У нас, на Земле, – уточнила Марина, и Сережа снова уставился себе под ноги.

– Не знаю. По радио всякое говорят. Не всему же верить.

Марина немного помолчала, собираясь с мыслями. Сорвала длинную метелку, повертела в пальцах и тотчас бросила.

– Слушай, а Петя Галкин чем болеет?

Сережа глянул на нее исподлобья, и Марине стало как-то неуютно от этого взгляда. Он словно изучал ее.

– Просто... болезнь у него какая? Он такой родился? Или потом что-то случилось?... Просто думала, вдруг ты знаешь. Не у нее же спрашивать. Про такое не спрашивают...

– Она его уже такого взяла, – бросил Сережа. – Хочешь, я тебе велик дам? Если устала. А то все, наверное, ужекупаются...

– Значит, Петя ей не родной? Но он вроде маленький такой. Она его недавно взяла? – не позволила сбить себя с темы Марина.

– Ну что ты пристала ко мне со своим Петей! – неожиданно вспылil Сережа, останавливаясь. – Тебе что, больше всех надо? От любопытства кошка сдохла!

— А из упрямства воскресла! — парировала Марина.

Сережа буркнул что-то, неловко оседлал велик и рванул вперед. Навстречу ему выскочил с пронзительным лаем Серый, но не привязался по собачьей привычке к велосипедисту, а потрусил к девушке, словно понял, что ее больше некому проводить.

* * *

Плавал Миша и правда здорово. Маринка быстро выдохлась и выползла на берег, чувствуя, как дрожат ноги, а Миша словно и не устал, дразнил ее из воды, подначивал еще раз рвануть на перегонки до моста.

Иван Ильич сидел на другом берегу, отдыхал и разглядывал копошащихся в рогозе парковых уток. Речка, одна из десятка тощих заросших проток, питающих начинающееся за мостом водохранилище, в этой части была неширока, Марина и сама переплыла бы ее, но посередке даже в самый теплый день течение было быстрым и холодным, так что рисковали не многие. Сосед прыгнул в воду и поплыл обратно. Миша бросился наперерез отцу и принялся задирать его, уговаривая посостязаться.

Не выгорело. Иван Ильич выбрался на берег. Он был большой и плечистый, весь сверкающий от водяных капель, и никто не дал бы ему сейчас тех лет, на которые он выглядел в мирной, неспортивной жизни.

– Ясно, в кого Мишка такой пловец, – сказала Марина весело. Жар опускался на землю, солнце калило, пронизывая лучами капельки воды на коже. Хмурый Сережа бродил по кромке воды, не раздевшись, и бросал в воду камешки. Серый шумно лазил в кустах, шуршал и сопел. – У вас спортивная династия? Вы тоже плавали?

– Династия, точно, – щурясь от солнечных бликов, кивнул сосед. – Плавал, Марина. У нас в роду все плавают. А что это у тебя с ногой?

Порез на пятке был не так велик. Неудивительно, что в реке из-за холода она не заметила, когда порезалась. Песок под пяткой пропитался кровью. Марина разглядывала ногу, прикидывая, как доскакать до воды и промыть ранку.

– Сейчас полотенце намочу, и оботрем. Эх, и платка нет завязать, – расстроился Иван Ильич. – Мишка, у тебя нет платка?

– Нет, – крикнул Мишка из воды. – Ни платка, ни соплей.

– Марина ногу поранила, – ответил ему отец с укором. Мишка притих и погреб к берегу. Иван Ильич пошел с полотенцем к воде. Подбежал Сережа, уставился на тонкую струйку крови из облепленной песком ранки.

– Чего смотришь? – рассердилась на него Марина.

– У меня... пластырь есть. Может, хватит. Порез не очень большой.

Пока он копался в карманах, Иван Ильич принес мокрое полотенце. Обтирать не стали – просто отжали воду на пят-

ку, чтобы смыть песок.

Марина слегка промокнула ранку краем полотенца, на котором сидела. Капелька крови выступила вновь, скорее, чем Сережа прилепил свой пластырь. Он замер, глядя, как кровь бежит проторенной тропой, торопясь упасть на песок.

— Что ты глядишь? — не выдержала Марина. — Дай я.

Она забрала у Сережи тощий колобок пластыря, оторвала кусочек и залепила ранку. На правах пострадавшей удалось вытянуть у Мишки велосипед, так что юному ихтиандру пришлось трястись у отца на раме, а Маринка с наслаждением прокатилась до самого порога, даже не заметив, когда потеряла пластырь.

* * *

Подавать документы Маринка рвалась с самого утра. Папка уже лежала собранной, институт должен был открыться в девять, так что Маринка, нервная и дерганая, была на ногах с пяти. Раза три кипятила чайник, от нервов помыла окно на кухне и, игнорируя очередь, дважды вытирала за Яковличем. Старая тряпка заплесневела и пахла не то прелыми ботинками, не то гнилыми грибами, так что она отнесла гадость на помойку и выделила в тряпки одну из своих футболок, которую и правда давно пора было куда-нибудь приспособить.

До института ходу было полчаса, так что в восемь двадцать Маринка уже стояла на пороге с папкой в руках, при-

чесанная и наряженная в лучшее платье.

– Торопыжка был голодный, проглотил утюг холодный, – саркастически заметил дядя Витя со своего излюбленного места на скамейке. Когда он успел выйти во двор, Маринка не заметила, но видно было, что сидит он тут уже давно, сигарета догорела почти до фильтра, а Серый, весь в каких-то семенах и пылице, вылез из травы и развалился на асфальте у ног хозяина.

– Я в институт, – объявила Марина.

– Ты, Мариванна, неумная женщина. Пospешишь – людей насмешишь. Там люди только открывают, первый день приема документов, ничего еще не готово – не отлажено. Все нервничают. Всем гулять хочется, на солнышко. В отпуск. А тут ты, вся такая Мариванна... Сплошное расстройство. Сядь и посиди. Придешь как белый человек не под дверью стоять и людей бесить, а как приличная девушка. А то еще подумают, что тебя и воспитывать некому. Опозоришь коллектив образцовой коммунальной квартиры номер одиннадцать. Куда поступать-то будешь?

Маринка хотела сказать что-нибудь едкое, но вместо этого села рядом с дядей Витей, сложила руки на коленях.

– На биологический.

– Как родители? Или наоборот? – Дядя Витя смотрел перед собой, словно ответ его не очень-то и интересовал, а вот Серый буквально в рот заглядывал, молотил хвостом по асфальту.

– Нету, – ответила Марина. – Нету родителей. Бабка одна в деревне. То не то, так не сяк. Она бы сейчас и платье мое разругала, и что причесана не по-еенному, и что надо не на биолога, а на агронома, потому что у них деньги завсегда водятся и в деревне самый уважаемый человек.

– А ты в деревню обратно не хочешь? – поддел дядя Витя.

– Я не знаю, чего хочу, – призналась Марина, – главное, не хочу, чтоб по-бабкиному. А животных я люблю.

– Тогда точно надо было в сельскохозяйственный. На биолога если, это их, наоборот, не любить надо. Вот скажут тебе мыша резать, что делать будешь?

Маринка хотела сказать, что, если надо, и мыша разрежет, но промолчала. На мгновение ей показалось, что кто-то наблюдает за ней. Она осторожно бросила взгляд на окна, обвела взглядом двор. И едва не вскрикнула.

В закутке у трансформаторной будки, скрытом липами, Галка вешала белье. А у нее в ногах возле таза на застиранном одеяльце сидел Петя. Его странная вытянутая голова склонилась набок, маленькие глазки, обычно мутные, сверкали, словно кошачьи. Темные губы расплылись в широкой жутковатой улыбке, обнажая зубы, острые и кривые. Полную пасть жутких белых зубов.

Серый, словно перехватив взгляд Марины, подбежал к мальчику, ткнулся носом ему под руку. Петя потерял интерес к Марине и занялся ловлей собачьего хвоста.

– А Пете... – Марина потерла глаза, прогоняя страшное

наваждение. — Ему сколько?

— Года четыре, — ответил дядя Витя, немного помолчав. — У него какая-то врожденная аномалия ДНК. Когда Галка решила его взять, ей говорили, зачем, молодая женщина, связывать себя такой обузой, а она, видишь, все равно взяла.

— Официально?

— А то. Все чин по чину.

— Давно он у вас?

— С полгода. — Дядя Витя, не меняя расслабленной позы, затянулся сигаретой. — Может, чуть больше. Сперва и ходил все под себя, мычал все время. А сейчас видишь, ничего, выправляется мальчишка. А ведь никто из врачей не верил. И на комиссии сказали, что ничего не поделаешь, инвалид. А гляди ты, вот и Галка. Может, и вытянет.

Марине стало стыдно. Это все бабкино воспитание. Чтoб только все как у всех и не хуже других. А кто не как все, так сразу и гадости всякие мерещатся. Марина пообещала себе, что, как только вернется из института, возьмет ненадолго Петю к себе, чтобы дать Галке отдыха. Ну и что, что он такой страшный. Не пришелец же, в конце концов!

— М-марин, — спросил из дверей Сережа. — Ты в институт пойдешь? Давай я с тобой пройду. Мне... на почту надо.

Марина заметила, что Сережа приоделся и в клетчатой рубашке и вытертых, но вполне приличных джинсах выглядел даже ничего. Не стыдно по улице пройти, как сказала бы бабка.

– И мне марок купи штук десять по пятачку, – бросил ему дядя Витя. Крикнул громко: – Галка, тебе на почте нужно чего?

– Не надо, – отозвалась та. – Ты знаешь, мне писать некому. Кто и есть своих, все тут.

Она улыбнулась, глядя, как Петя возится с псом. Марина подумала, что ведь Галка и правда не старая, сорока нет, может, и получилось бы у них что-то с дядей Витей, если бы не Петя.

– Дядя Вить, – сказала она, поднимаясь со скамейки. – Может, я вечером посижу с Петькой, а вы бы Галину сводили куда-нибудь, а то что она все с ребенком, да Яковлич еще.

– Эх, Мариванна, можно вывести девушку из деревни, но вот деревню из девушки... Сваха Ханума, премьера театра музыкальной комедии. В институт иди, бестолочь. Но в главном мыслишь правильно, помогать людям – это хорошо. Главное, не пытаться их осчастливить. Сергей, эскортируй даму в институт, а то она в ЗАГС бы не свернула с такими настроениями.

Марина обиженно поспешила через двор. Сережа бросился за ней, словно собирался что-то сказать. Но за воротами пыл обоих иссяк. Молча дошли до угла, свернули к почте.

– Я на Главпочтамт пойду, – сказал Сережа в ответ на недоуменный взгляд. – Там марок больше в продаже.

Почтамт был чуть дальше за нужным Марине корпусом института, так что она поняла: от Сережиной компании не

отделаться.

– Может, я тебя во дворе потом подожду?... – спросил он тихо.

– Не надо. Вдруг там долго. И будешь под окнами стоять. Не караулить же ты меня собрался? Что со мной может случиться?

Она рассмеялась, но Сережа очень сосредоточенно смотрел под ноги и даже не улыбнулся.

– Марин, ты не бери к себе Петю сегодня, а... Не надо. Или, если возьмешь, меня позови. Или хотя бы Мишку...

Сережа был так серьезен, что девушке стало не по себе.

– Что за ерунду ты говоришь?! Что я, с ребенком не справлюсь? Я тут без году неделя, а Галка мне так помогает, и все остальные тоже. Надо же тоже как-то... Не знаю, нехорошо, что я...

– Не бери Петю, – оборвал ее Сережа совсем тихо.

– Да что ты заладил? – Марина остановилась, заступив соседу дорогу. – Сказал «а», говори «бэ». Что он, заразный, этот ваш Петя? Дядя Витя сказал, у него генетическое. Я на биологический собираюсь. Хорош же будет биолог, если он генетических аномалий боится.

– Марин, ты хороший человек... человек. – Сережа словно застрял, зацепился за это последнее слово и не мог двинуться дальше.

– Ну, человек, и что?

– Я боялся сначала, что ты... может быть. Но кровь на

пластыре свернулась. Ты точно человек...

– На каком пластыре, Сережа? С ума сошел?! Человек я, дальше что?

– А он – нет. Петя – не человек.

Марина опешила. Рассмеялась, пытаясь прогнать метнувшийся по спине холодок.

– Что?

– Не человек он, пришелец, – тихо зашептал Сережа, склонившись к ней, так что она вновь почувствовала знакомый запах мыла от его волос и рубашки.

– Спятил ты, Сережа, книжек дурацких начитался и несешь всякую ерунду. – Она покрутила пальцем у виска, промурлыкала издевательским тоном: – Я со звездами сдружился дальними, не волнуйся обо мне и не грусти... Покидая нашу Землю, обещали мы, что на Марсе будут...

– Да перестань ты паясничать, – шикнул он, больно схватил Маринку за руку и втащил за ворота ближайшего дома, в затененный пыльный двор, где под одиноким жигуленком чесалась полосатая кошка.

– Пусти!

– Не пущу. Ты не понимаешь. Я давно заметил, что с ним что-то не так. Он как-то таракана съел, понимаешь?!

Маринку передернуло.

– Ну, дурачок он. Галка недоглядела, вот и съел.

– Я слышал, как он по-инопланетному говорил...

Марина открыла рот, чтобы снова сказать что-нибудь яз-

вительное.

— ...и пел, — добавил Сережа.

Мгновенно всплыла в памяти первая ночь в квартире. Луна в окне и странные звуки из Галкиной комнаты.

— Да ну, ерунда, — отмахнулась Марина, но уже не так уверенно.

— А голова эта вытянутая, — продолжил Сережа, поняв, что весы качнулись в его пользу. — Слюни все время. Ползает он быстрее, чем я бегаю.

Марина поймала себя на том, что кивает в такт Сережиным словам.

— У него уже зубов полный рот. Марин, я думаю, он хищник. Просто еще маленький. Может, эти, которых в столице поймали, его сюда к нам подкинули, Галке мозги задурили, вот она и растит... хищника. А он потом нас всех сожрет.

Марина охнула, прижимая ладони к губам, уронила папку на асфальт. Полосатая кошка с перепугу прыгнула в глубь двора, залезла на липу и сверкала теперь оттуда зелеными глазами.

— Это же... дико все, — совсем растерялась Марина. — Дичь! Мне в институт надо. А тебе... тебе лечиться пора! Ты ерунду какую-то городишь!

Сережа пытался удержать ее, но девушка вырвалась и побежала прочь.

Весь день у нее почти получалось гнать от себя мысли о Сереже, его нелепых подозрениях, но вечером, когда

взволнованная выходом в свет Галка принесла сонного Петю и тихо положила Марине на кровать, девушке стало не по себе.

— В центре вернисаж открыли в саду Первого мая, — прошептала она, улыбаясь. — Пусть местные художники, зато потом по набережной можно погулять. Мороженое... Сто лет никуда не выходила. Все-таки мужикам не доверишь ребенка. Сами дети. А Петька часа два-то точно проспит, даже и не переживай. У него режим.

Она упорхнула, наряженная и помолодевшая. Сунулся в двери Серый, фыркнул, оглядев комнату, и поспешил прочь за Галкой и хозяином.

Марина прикрыла штору, чтобы тень падала на кровать, и села к столу, учить. Биология всегда давалась ей легко, так что первого экзамена она почти не боялась, впрочем, химии тоже. Хуже обстояло дело с сочинением. Наляпаешь лишних запятых — еще полдела. А если тема трудная... В ситуациях, когда нужно было что-то быстро решать, на Маринку всегда нападал странный ступор. Как днем с Сережей. Отчего она позволила ему увести ее с улицы, слушала всякую чепуху, вместо того чтобы просто уйти...

Книжек она в библиотеке взяла целую сумку, так что учебник, справочники и конспекты заняли добрую половину стола. Лежащий перед Мариной учебник оказался в круге от сковородки, словно в нимбе. Вечернее солнце бродило искрами в трещинах полировки, липовые ветви цеплялись

зелеными ладонями за открытую форточку и шептали.

Марина не сразу поняла, что ее насторожило. Какой-то звук. Очень тихий. Едва различимый.

Она обернулась и замерла, не в силах заставить себя пошевелиться.

Петя больше не спал на кровати. И как она не заметила, что он уполз. Жутко скалясь, он сидел на полу прямо за ее спиной, и слюна вязкими каплями падала на пол.

– Петя... – позвала она тихо, медленно поворачиваясь на стуле, чтобы не оставаться к мальчику спиной.

Он булькнул что-то, прижал руку к груди, пожевав влажными губами, выговорил:

– Пе... – А после ткнул коротким кривым пальцем в Марину. – Тх...

– Петя, – повторила она.

Он замотал головой, забулькал сердито, захныкал. Снова прижал руку к груди и повторил:

– Пе...

– Ты Петя, да.

До Марины медленно начало доходить, чего он хочет. Петя снова ткнул в нее пальцем.

– Тх...

– Марина.

– Ахр-ри, – выбульканул Петя и зашелся звонким икающим смехом.

Марина медленно поднялась со стула, осторожно взяла с

кровати одеяло, выставила его перед собой, как щит.

Петя молниеносно переполз под стол, видимо, решил, что с ним играют.

– Ахр-ри, – он забулькал, вызывая из горла череду жутковатых звуков.

– Марина. Мне нужно учить. А ты поспи, Петя. Ложись на кроватку и поспи еще, пока мама не вернется.

– Спи, – вдруг сказал он так четко, что Марина едва не вскрикнула. От страха перехватило горло, парализовало ноги.

Петя обхватил себя руками и, едва заметно раскачиваясь из стороны в сторону, выдохнул тонкую жалостливую ноту, за ней другую. Глаза его маслено сверкали в полутьме под столом. Марина узнала этот напев. Ночная колыбельная. Страшная Петина песня. Только на этот раз некому было пробурчать заклинание про ночь-полночь.

Петя внезапно умолк и отчетливо бросил:

– Ахр-ри, спи!

Маринка бросила на него одеяло и со всхлипом выскочила из комнаты, изо всех сил желая только одного – чтобы Сережа был у себя.

– Он еще маленький, маленький, – уговаривал Сережа, глядя ее по вздрагивающим от икоты плечам, заставляя пить большими глотками воду. – Он ничего нам не сделает.

– Я туда не пойду, – прошептала Марина.

– Мы вместе пойдем. Иначе Галку напугаем. Про него...

надо сообщить.

— Куда? — не сразу поняла Марина. Сережа сунул ей в руку лежавшую у него на столе вырезку из областной газеты. Там было все то же, что по радио, и про «будьте бдительны», и про «гражданина Суховейко А. А.». А еще там было несколько телефонных номеров. Очень легких для запоминания.

Марина бросила вырезку, словно она была в грязи. Потерла руку о шорты.

Цепляясь друг за друга, они вошли в комнату, готовясь к самому худшему, но там было тихо. Петя, завернувшись, словно в кокон, в брошенное Мариной одеяло, так и уснул сидя под столом, привалившись лбом к кровати.

Когда Сережа осторожно взял его на руки, мальчик засопел и недовольно захныкал. Его положили на кровать, накрыв вторым одеялом, которое Сережа особенно тщательно подоткнул краями под тощий матрас и даже просунул углы между пружинами.

Марина просидела на стуле, не шевелясь, до самого прихода Галки и дяди Вити. Галина тотчас забрала Петю к себе, а дядя Витя еще какое-то время сидел на кухне и курил. Марина пробовала учить, но ничего в голову не лезло. Сережа ушел куда-то, напряженно-серьезный, и ей было страшно и одиноко. Серый сунулся ей под руку, и она судорожно обняла его, прижалась лицом к теплему боку.

— Перед экзаменом психуешь, а, Мариванна?

Она помотала головой.

– По дому скучаешь? К бабке захотелось?

В другой раз Марина бы нашла что ответить, но ноги все еще предательски дрожали и подкашивались, а горло перехватывало от страха. Она знала, что сегодня глаз не сможет сомкнуть.

– А Сергей-то куда ушел на ночь глядя? Галактего опасности?

– Ну зачем вы все время шутите, дядя Вить? – не выдержала Марина.

– А ты что такая серьезная? – парировал сосед. – Тебе не идет. У тебя сразу лицо глупое.

– Ничего не глупое, – со слезами в голосе крикнула она и сбегала с кухни в комнату, так и не вскипятив чаю. Села на кровать, обхватив руками голову. Серый, неведомо как прошмыгнувший за ней, уселся перед кроватью, заглянул в глаза. Вывалил из черной пасти розовый язык.

– Это вот у тебя лицо глупое, – тихо заметила ему Марина, вытирая ладонями слезы.

Серый склонил голову, ничуть не обидевшись.

– Хорошо тебе.

Пес застучал хвостом по полу, всем видом подтверждая, что да, ему хорошо.

– А если Сережа уже позвонил? – Марина принялась щипать ниточки из шортов, с трудом сдерживаясь, чтобы не грызть ногти. – Если его заберут? Если Петю заберут? Гал-

ка меня никогда не простит. Ну, пусть он пришелец. Жалко, что ли? Может, она его перевоспитает, и он никого не станет порабощать и есть. Мне просто очень страшно, Серый. Мне так страшно. И Сережа куда-то пропал...

Пес не сводил с нее тяжелого взгляда. За окном спустились сумерки, залили двор серым. Слышно было, как прошаркал к туалету Яковлич. Марина, не зная, куда себя деть, снова схватила чашку, вышла на кухню.

Дядя Витя сидел точно так же, замер, опершись рукой на стол, в полутемной кухне, залитой сумерками. Пепел висел на сигарете, все не решаясь упасть в пепельницу. На какое-то мгновение Марине показалось, что сосед не дышит.

– Дядя Витя, – позвала она.

– Что ж вы наделали, два дебила?.. – выговорил тот тихо.

Марина охнула, отступила назад, к двери в коридор. Не мог он слышать то, что она говорила Серому, никак не мог.

– Ксенофобы хреновы.

Дядя Витя раздавил сигарету в пепельнице. Похлопал рукой по скамейке рядом с собой. Марина попятилась, но сзади угрожающе рыкнул Серый.

На подгибающихся ногах она подошла, села.

– Значит, в пришельцев веришь?

– Не верю, – призналась Марина, – просто боюсь.

– Честно. И кого боишься?

– Петю боюсь.

Дядя Витя усмехнулся, почесал живот под линялой май-

кой.

– А меня боишься? – спросил с нехорошей ухмылкой.

Глаза его, прозрачно-серые, засветились желтоватым светом.

– Я ведь пришелец, Марина. Настоящий. Чужой. Правда, челюсти второй у меня нет, но сырое мясо ем. Даже человека укусить могу.

Он рассмеялся, когда она вздрогнула.

– Только на меня редко смотришь. Это неприлично – не смотреть на собеседника, когда с тобой разговаривают.

В следующее мгновение дядя Витя словно потух. Будто кто-то выключил его, вырвал шнур из розетки. Светящиеся глаза погасли, выражение лица стало бессмысленным. В упавшей на них тишине слышно было, как недалеко в комнате строчит на машинке Галина да бормочет что-то проснувшийся Петька. Марина бросила взгляд на дверь, думая, успеет ли убежать, пока страшный сосед снова придет в себя.

В дверях стоял Серый. Глаза пса бледно светились.

– Скажи Серому привет, Мариванна, – почти не шевеля губами, проговорил дядя Витя. – Так привыкаешь говорить о себе в третьем лице, что потом трудно перестроиться. На родном языке меня, в общем, тоже зовут Серым. Но там длиннее. И звуки совсем другие.

– А... Дядя Витя? – Совершенно сбита с толку Марина глядела на пса, пытаясь понять, как возможен такой дикий розыгрыш.

– Одинокий пес в этой стране – это прямой путь на шапку, Мариванна. Так что приходится отращивать... объект представительской функции.

– Отращивать? То есть вы таких можете... несколько...

Пес заворчал, а дядя Витя расхохотался.

– Что, мать, витает над тобой призрак инопланетного вторжения? Могу несколько, целую семью могу вырастить. Управлять не смогу. Не станут же они толпой ходить. И дядю Витю вот приходится отпускать иногда. Устаю. Щуп должен быть в прямой видимости для ментального руководства, иначе отрубается. А знаешь, как неохота его по кустам за собой таскать. Морока. И голова болит к вечеру от напряжения. Ну как, расскажешь теперь, что вы там с Сережей придумали? Раз уж карты на стол.

Марина заревела.

– Дядя Витя, Серый, вам уходить нужно. Сережа, наверное, уже куда надо позвонил. Они ведь сразу приедут...

– Уходить, значит? – переспросил дядя Витя строго. – А как уходить прикажешь, огородами?

– Как вы над такими вещами шутите?! – всхлипывая, ответила Марина. – Ведь это Петя маленький, а вы... вас же опасным могут посчитать. Вы же вон... клонов выращиваете.

– Ой ты дура, Мариванна. Сил моих нет. Клон – это когда копия. А это щуп. Простой биощуп. И куда мы, по-твоему, всей квартирой уйдем? В муромские леса? К рязанским пар-

тизанам? Ведь у всех дела, жизнь налажена более-менее...

– У всех? – поперхнулась вопросом Марина. – То есть вы все тут? И сколько... Божечки мои... То есть... вас... Вы нас... завоюете?..

Девушку трясло. Дядя Витя подал ей стакан воды, Марина попыталась сделать глоток, но только стукнула зубами о край.

– Завоюем, – сказал дядя Витя, саркастически ухмыляясь, – и поработим. Мы вот с Серым, Иван Ильич с Мишкой. Галка особо опасна, непременно поработит. Завоюет и накормит. Неумная ты девка, Марина. Хотя... чужая пока тут просто, да и молодая слишком. Откуда вам с Сережей знать. Вот Михалыч, что до тебя тут жил, он понимал. Тоже одинокий мужик был. Вроде есть где-то родня, а все равно всю жизнь один. И мы одни.

Марина хлопала глазами, сжав в пальцах трясущийся стакан.

– Последние мы, Мариванна. Я. Галка. Яковлич. Мишка с отцом вдвоем, да толку, размножаться-то не с кем. Мишка не понимает еще, плавает. Он и родной планеты толком не помнит. Иван Ильич его сюда в бидоне привез. У него и легкие не раскрылись, младенец. Эх, намаялся я с их документами. С другой стороны, их от людей-то особо не отличишь. Жаберки прикроют, и все, человеки.

В глубине коридора стукнула дверь. Яковлич, шаркая тапками, прошел мимо и скрылся за своей дверью.

– А Яковлич кто? – спросила Марина, глядя на влажные следы на полу.

– Мох. Колония мха. Он не очень разумный и воды много жрет. Пахнет вот. Но добрался как-то до пункта спасения, значит, разумная жизнь. Может, челнок подобрал, конечно. Оболочку под гуманоида натянули кое-как, в тапки субстрат. Лет тридцать за ним уже трем, ни разу ни почку не выкинул, ни делиться не пробовал. Старый он, наверно.

– А Галка?

Дядя Витя помолчал, закурил новую сигарету.

– Галка здесь до меня была. Она тогда еще лицо другое носила. Надо же, чтоб в моду не попасть, а то мужики заглядываться начнут. Бабуля тут жила, умерла, вот Галке мы бабулин паспорт и поправили. Она долго тут. Раньше, рассказывала, посвободнее было, с Лавкрафтом переписывалась, с Кафкой.

– На английском? – спросила Марина удивленно.

– Зачем на английском? На своем. Но они с материка выходцы. А она островитянка. Ее родного языка они до коллапса, может, и не слышали даже. Петьку вот учит. Он на Галкином-то хкаверси бойко болтает уже, по-русски вот пока никак. А говорили, совсем молчать будет, только слюни пускать. Но тут, как бы это, мелодика лечебная или вроде того.

– А Петька? – не выдержала Марина. – Петька кто?

– Человек он.

– Витя! – раздалось от двери. – Витя! Вы что тут в темноте

сидите? У меня Петька заговорил! «Ма» сказал и «спи»!

Галка влетела в кухню, хлопнула рукой по выключателю и замерла, увидев заплаканное лицо Марины, понурую морду Серого и дядю Витю, застывшего с сигаретой в руке.

Бухнула входная дверь, кто-то охнул и тихо выругался. Пружина переиграла вернувшегося Сережу.

* * *

Утро знобило синим, без единого облачка. Лазурь навалилась на крыши, жарко дыша во двор. Липы опустили тяжелые темные листья, изнывая от жары. Ждали грозы. Она бродила где-то далеко, за городом, гоняла с пляжей отдыхающих, широким мокрым языком облизывала шипящие мангалы, хлестала по макушкам зонтики и веранды.

Из окошка четвертого этажа радио голосом Ротару пело Тарковского. На пустой широкой скамье лежала забытая кем-то газета. Зной тихо шевелил ее, обещая скорое избавление.

Коренастый мальчишка мотался по двору, то и дело бросая тоскливые взгляды на велосипед. Его отец, видимо, затеял «генеральскую» уборку и то и дело гонял сына на помойку – то одно выбросить, то другое вылить. Сам – в застиранных трениках с лампасами – пылил в комнате, шумел, старался, вел будничную жизнь образцового гражданина.

– Па-ап, можно мне на реку? – звонко крикнул мальчиш-

ка.

– Все, что сбыться могло, словно лист пятипа... – перешибло песню захлопнувшееся окно.

Мальчишка бросил на бегу смятый конфетный фантик, и он покатился, подхваченный воздушным потоком, в сторону от мусорки, по выцветшему от жары асфальту прямо под ноги двоим, что без скрипа проскользнули между створками облезлых ворот. В будничном, без единого черного пятнышка в одежде, чужаки остановились, проводив взглядами мальчишку, потом – брошенный им фантик.

А тот уже тропился прочь, как сбежавший колобок, но далеко не ушел, ткнулся в угол между стеной и воротами, в щели под которыми двигались тени чьих-то ног, и замер.

Опрятные люди прошли во двор.

– Вы Галина Васильевна Балашихина? – обратились они к девушке, с ребенком на руках вешающей белье.

– Да, – ответила та.

– Ах-ри, – выдавил маленький уродец и счастливо заулыбался.

Один из опрятных сделал странное движение рукой куда-то в сторону левого борта пиджака, но остановился, похлопал по карману, словно искал сигарету.

– Давайте в квартиру пройдем, – сказал второй, некурящий. – Документики на ребенка и паспорт покажите, будьте добры.

Из двери неловко выскочил длинный парень в очках и вы-

цветшей футболке, и створка за его спиной закрылась с таким внушительным грохотом, что очкарик вздрогнул и вжал голову в плечи.

– Сергей Сергеевич? – вежливо кивнул искавший сигареты. – Документики приготовьте, пожалуйста.

Сережа засунул дрожащую руку в глубокий, как кротовья нора, карман, выудил паспорт, протянул чужакам.

– У меня там, в комнате, – испуганно прошептала Марина. Петька взял ее за ухо, облизал щеку. Чувствовал, что нянька на взводе, хотел утешить по-мужски, поцелуем. Поцелуй потек за воротник.

Дядя Витя выглянул в окно, махнул: жди. Придержал дверь для Марины и со злорадной улыбкой отпустил створку, позволив ей огреть одного из незваных гостей. Выскочивший им под ноги Серый едва не сбил второго, некурящего, завертелся под ногами, виляя хвостом.

– Это... случилось что? – просипел дядя Витя, старательно дыша перегаром в лицо опрятным.

– Проверочка, гражданин, по линии социальной службы. Простая формальность, – сказал один, окинув дядю Витю острым взглядом.

– А... Ну... – загундел тот. – Это... Галка, она мать-то хорошая. Если что надо, я того, подпишу. Ни у кого другого мальцу лучше не будет, зуб даю.

Дядя Витя вцепился в рукав некурящего узловатыми пальцами.

– Спасибо, – сказал тот, отстраняясь. – Пройдите в свою комнату. Когда нужно будет подписать, мы обратимся.

– А если я это... ну... поправиться бы мне...

– А вы бы так не болели, гражданин, поправляться бы не пришлось, – съязвил огретый дверью, вспомнил, что он из социальной службы, добавил: – Какой пример подаете подрастающему поколению?

Дядя Витя виновато засопел, с усилием налег на дверь. Серый тотчас выскользнул наружу. В окно было видно, как он бродит по двору, обнюхивая створки ворот, считает по запаху оставшихся за забором.

Марина невольно задержала дыхание, пока оба визитера рассматривали паспорт. Ей слышно было, как Галка тяжело дышит, прижавшись к замочной скважине, – контролирует картинку.

– Документики на мальчика, – сказал некурящий. Огретый взял Петю за руку, ловко уколол малыцу палец и выдавил в трубочку каплю крови. Еще одну – на бумажку с реагентом. Петя захныкал.

– Извините. Небольшая проверка. И вашу руку, пожалуйста.

Марина протянула палец, зажмурилась по привычке. Всегда не любила сдавать кровь.

– Извините, – сказал некурящий. – Приходится иногда чуть-чуть потерпеть. Ну, вы же мать, все понимаете. Одна воспитываете. Здоровье должно быть в идеальном порядке.

Ваши образцы будут переданы в лабораторию для более тщательного изучения. Думаю, можно будет точнее установить, какая генетическая аномалия у вашего ребенка. Мы хотели бы взять образцы крови у всех жильцов, во избежание...

Галка, сонно протирая глаза, вышла из своей комнаты, протянула руку...

В этот момент во дворе раздались крики. Залаял Серый. Посетители бросились прочь. Марина, продолжая прижимать к себе куksящегося Петю, кинулась к окну.

Дядя Витя забрался высоко. Стоял на крыше, держась одной шестипалой рукой за железное ограждение. Глаза его сделались совершенно желтыми и полыхали диким огнем. На его скулах и шее шевелились какие-то омерзительные наросты, похожие на короткие толстые щупальца.

«Серый, только не переборщи, – подумала про себя Марина. – Не поверят же...»

Словно услышав ее, Серый залаял. Опрятные люди, которых отчего-то стало во дворе человек двадцать, засуетились, побежали по подъездам, отыскивая выход на крышу. Огретый, защелкнув чемоданчик с пробами, рванул во двор. Некурящий хотел было забрать чемоданчик, но дядя Витя во дворе выкрикнул что-то, по всей видимости, сверх меры оскорбительное, и опрятным изменило самообладание. Слышно было, как хлопают, выцеливая дичь, парализаторы.

Некурящий метнулся во двор. Орал про «прекратить», «сдаться», «во избежание». Опрятные, как тараканы, лезли

по ржавым пожарным лестницам вверх. Верещала какая-то бабка в окне третьего этажа.

– Марсияне! Убивают!

– ...встречает один и провожает другой, а я как будто чужой, чужо-ой, чужо-ой! – вырвался из другого окна голос радиоточки. – Подожди... дожди... дожди-и...

Дядя Витя захохотал, раскинул руки, щупальца и шагнул вниз.

Марина отвернулась, закусила кулак, чтобы не заплакать. Серый завыл, припал к асфальту, словно готовясь к прыжку, и так и остался лежать, зажмурившись и вывалив язык.

Во дворе забегали, зашумели. Огретый со всей силы ударил по щеке заголосившую было Галку, потребовал простыню. Ею и укрыли останки. Разогнали по квартирам зевак. Через пару минут вкатила задом «Скорая». За ней – блекло-зеленая машина, похожая на усталого короеда, из которой выскочили граждане в химзащите, быстро убрали следы на асфальте.

Некурящий отволоч к машине жильцов, которых, по одному на двух опрятных, оттеснили в глубину двора.

– Чисто! – крикнули из короед-машины. – Зачищай.

– Граждане, – вежливо обратился некурящий, выставляя перед собой нечто похожее на здоровенный пульверизатор, украшенный софитом. – Посмотрите на этот предмет. Постарайтесь не моргать, по моей команде вдохните максимально глубоко.

Вспышка и едких дым ударили разом.

* * *

Марина очнулась в своей комнате. Вспомнила, какой сегодня день. Вскочила так резко, что голова закружилась.

– Галка, – громко зашептала она из двери, увидев соседку. – Я не проспала? Час который?

– Полчаса только, как уехали, – сказала Галка сердито. Петя висел у нее на руках бледный и тихо всхрипывал. – Ну как ребенку столько же газа, как и взрослому. Ну, кому и что он может рассказать? А вот все, что выучил, он от этой дряни точно забудет...

– Что забудет? Успеем подготовиться, пока эти...

– Все уже, – сказала Галка. – Все.

И тихо заплакала.

Пошатывающийся от слабости Сережа принес на руках Серого, положил на кровать. Галка пристроила рядом спящего Петю, уткнулась лицом в черный неподвижный собачий бок, запустила пальцы в шерсть.

– Успела, Витя. Все успела, – сказала она тихо. – Все образцы положила. Маркировки скопировала. Экспресс прошли. А там пусть хоть упрверяются. Все человеческие.

– И что, так просто отвяжутся? – спросил Сережа.

Прошло две недели. Еще раз или два во дворе появлялись подозрительно опрятные чужаки, но так и не зашли. Порой Марина и Сережа ловили себя на том, что из памяти пропали час или два. Галка, всегда излишне щепетильная в вопросах воспоминаний, выспрашивала, уточняя время с точностью до минуты, а потом, усадив на стул, сканировала затертые куски. Выдыхала облегченно: «Ничего страшного».

Под липами больше не ужинали.

Возвращаясь из университета, Марина видела краем глаза, как мелькнула, отраженная в окне, олимпийка Сережи, но не оглянулась, прибавила шагу. Влетела в комнату, бросив на кровать сумку. Хочет поговорить – пусть наберется смелости и сунется, а не шарахается по углам.

– Марин, как он там? – Сережа виновато заглянул в дверь. Войти не решился. Серый лежал на кровати. Спал. Черный бок мерно вздымался, лапы чуть вздрагивали, словно пес бежал куда-то через страну снов. Временами он тихо взрыкивал.

– Иди, книжки читай, ксенофоб, – огрызнулась на Сережу Марина. – Дверь закрой с той стороны.

Сережа исчез за дверью. Пес открыл глаза, зевнул.

– Ты что на парня взъелась? – проговорил кто-то невидимый за тумбочкой. – Даже Галка не дуется, а ты... Вот вы-

расту и вздую тебя. Для ума.

– Сначала вырасти, – ответила Маринка, отрезая толстый кусок от городской булки, лежащей на столе в пакете, чтобы не зачерствела.

Дядя Витя, больше похожий на большую куклу из центрального универмага, наряженный в Петькину майку и штанишки на помочах, спрыгнул с табуретки, влез на стул, откусил большой кусок хлеба и принялся жевать, двигая щеками.

– Ты на что сочинение написала, бестолочь? – пробубнил он сердито. Из-за края стола виднелась только круглая коротко стриженная голова с татуировкой за ухом.

– На четыре.

– Бестолочь и есть. Не мозги, а перфорация одна. Вот не поступишь – и поедешь к бабке.

Он схватил булку и, выкинув на пол пакет, снова набил рот хлебом.

– Кашу будешь? Манную? – спросила Марина, трепля Серого по большой косматой голове. Дядя Витя ерзал на табуретке, стараясь выглянуть в окно, но роста отчаянно не хватало.

– Я мяша хошу... – жуя, пробормотал он. – Я хищник. Порабочичель человечества.

Карина Шаинян

Лаборатория тьмы

Степан досчитывает от сотни до нуля в четвертый раз и осторожно выбирается из кровати. Двигаться по спящей квартире легко: глаза давно привыкли к темноте, да и темноты-то настоящей нет – так, сероватый сумрак, согретый полускокой оранжевого света из-под двери детской: мелкая опять боится спать без ночника. Накинув куртку, он тихо выходит на балкон. Ноздри тут же слипаются от мороза; он закуривает и привычно облакачивается о перила.

Ночь до краев полна лунным светом и так тиха, что слышно, как скрипит снег под лапами трусящей вдалеке бродячей собаки. Степан вдруг с тоской вспоминает, как любил такие, ледяные и ясные, ночи в детстве, какой это было редкой удачей: проснуться, выглянуть в окно и увидеть пронзительную луну в морозном ореоле, сверкающие, нетронутые сугробы, будто излучающие свой собственный свет. Задохнуться от восторга, от причастности к тайне...

Он оборачивается на скрип балконной двери. Морозный пар рвется в комнату, и Ира пробивается сквозь него стремительно, как маленький самолет – сквозь облака.

– Снотворное для слабаков? – спрашивает она.

– Не помогает. Луна...

– Понятно. Дай мне тоже.

Степан неловко – пальцы уже плохо гнутся от холода – вытаскивает вторую сигарету. Ира кутается в толстый халат, прижимается к его плечу. Даже сквозь куртку чувствуется исходящее от нее сонное, чуть влажное тепло.

– Смотри, – негромко говорит она, – окно на третьем этаже – неужели свет?

Он чуть вздрагивает от неожиданности. Двигает головой, щурясь.

– Нет, просто блик, – говорит наконец он. Оглаживает ладонью недавно отпущенную, непривычную бородку, убирая зарождающийся иней.

Ира поводит головой из стороны в сторону, как любопытная черепаха, и вздыхает:

– Да. Луна отражается.

Они молча смотрят на здание, отделенное от их дома полосой гаражей, – кирпичную коробку в три этажа. Окна – как ряды подернутых льдом черных полыней. Новенькие пластиковые рамы дико и неуместно белеют на фоне кирпича. Лунный свет играет на блестящей – ни пылинки – табличке с адресом. Брошенное, абсолютно пустое здание – но свежее, будто только что отремонтированное, только и ждущее, чтобы в него въехала какая-нибудь скучная и обыденная контора. Уже лет пять как ждущее.

– Кстати, – спохватывается он, – я тебе говорил? Я попросил Славика – помнишь Славика, он в кадастровой конторе

работает? – попросил узнать, что это за дом вообще.

– Надо же, как тебя заело, – ухмыляется Ира.

– Любопытно же! И знаешь что? – Он делает торжествующую паузу. – Дома с таким адресом вообще не существует!

– Да ладно! – Она тут же припечатывает ладонь к губам, машинально косится на балконную дверь – не разбудила ли мелкую. – Ну, значит, точно вампиры, – радостно шепчет она. – Попадают внутрь через чердак, летучими мышами, и спят рядами в гробах... Вампирская общага!

– Да нет же. Говорю тебе – там секретная лаборатория, – убежденно возражает Степан. – Или инопланетяне. Секретная лаборатория инопланетян! Изучают нас, а здесь у них – штаб-квартира. В глаза не бросается... По улицам просто так не походишь, они же зеленые, склизкие, а тут – удобно, на отшибе. Небольшой телепорт – и все дела...

– Они бы свет включали, – упрямо говорит Ира. Ее челюсти начинают трястись, и слова растягиваются, налезая друг на друга. Степан распахивает куртку; она прижимается к его боку, сотрясаясь от крупного озноба. Под одежду заползает холод. Он ежится и поджимает пальцы на замерзающих ногах. Ира говорит: – Точно вампиры, поэтому и темно так... кровь и на ощупь пить можно...

– Бросай, мне и так уже кошмары про этот дом снятся.

– Что, правда?

– Нет, конечно...

Я бы обрадовался, увидев кошмар, думает он. Это бы

означало, что я сплю...

Он пропускает лязгающую зубами Иру вперед, чтобы скорее попала в тепло, и медленно, по миллиметру – лишь бы не скрипнула, – закрывает балконную дверь. Зря старался.

– Паааа! – доносится из детской. – Пап!

Голос мелкой – испуганный и в то же время требовательный. Голос человека, который точно знает, что ему помогут.

– Опять я вас обоих разбудил, – виновато говорит он, и Ира молча стискивает его ладонь.

Мелкая сидит на кровати, собравшись в комок, – ноги прижаты к груди, даже пальцы на ногах поджаты. Вздохнув, Степан становится на четвереньки и, выворачивая шею, заглядывает под кровать. Морщится от лезущей в нос пыли. Выгребает несколько деталей от лего и помятую сигарету.

– Никого, – докладывает он, поднявшись.

Дочка расслабленно вытягивается в кровати, подложив ладони под щеку. Степан с сомнением смотрит на ночник, но все-таки оставляет его включенным. На цыпочках выходит из детской.

– Ну вот откуда они под ее кроватью берутся? – риторически спрашивает он, бросив изжеванную сигарету на стол, и Ира прикусывает губу.

– Я не уверена, – говорит она, – но, кажется, она думает, что это как-то помогает. Может, считает, что запах отпугивает...

Она прижимает ладонь ко рту, сотрясаясь от сдавленного

смеха. Степан закатывает глаза и наконец залезает под одеяло.

Некоторое время Ира возится под боком, вздрагивает плечами – похоже, все не может насмеяться, – а потом затихает. В свете луны видно, как в уголке приоткрытого рта поблескивает слюна. Слушая ее ровное тихое дыхание, Степан на мгновение зажмуривается от яростной зависти. Ноги до сих пор не согрелись – две отдельные ледышки, отвлекающие на себя все внимание и не дающие заснуть. Хочется прижать их к теплым ляжкам жены – чтоб не просто проснулась, а подскочила с визгами и воплями. Он шевелит пальцами и говорит себе: «Сто. Девяносто девять. Все равно не поможет. Девяносто восемь. Лежать мне так до утра. Девяносто семь...»

* * *

Ночь душная и приторная от одуряюще пахнущей сирени. Степан плавает в этом запахе, плавает в собственном поту; его мозг, измученный недосыпом и головной болью, похож на пенку от варенья. Ира разметалась, заняв почти всю кровать, ее кожа липко блестит, освещенная ночником из детской, – сегодня дверь в комнату мелкой оставили открытой, чтобы квартира хоть как-то продувалась, но это не помогает. Между Ириными зубами застряло клубничное семечко, и от его вида зудит в деснах. Степан пытается замереть в вязком

марева, выдать его за сон, но вместо этого думает, что от ночи осталось всего ничего. Еще час – и начнет светать, еще час – и липкая духота сменится совсем уже невыносимым жаром. Может, на балконе лучше, думает он и выбирается из кровати. Немного прохлады перед тем, как погрузиться в раскаленный ад, – урвать у этой почти несуществующей ночи если не сна, то хотя бы немного воздуха.

На балконе и правда лучше. Он перегибается через перила, чувствуя, как слабый ветерок высушивает потный лоб. Пустующий дом под ним угловато выступает из сиреновой пены; его окна по-прежнему темны, а стекла – прозрачны, будто их вымыли только вчера. Степан уже собирается закурить, и тут в голову приходит идея получше. Вернувшись, он торопливо царапает записку, кладет рядом с Ириным мобильником, подсвеченным зеленым огоньком зарядки. Футболка кажется колючей и теплой, как шерстяной свитер, но уже в подъезде жара становится не такой страшной, а на улице оказывается и вовсе хорошо.

Гулять просто так кажется глупым, и Степан придумывает себе – наломать девицам сирени, раз уж он случайно знает, где искать самые пышные и никому не нужные кусты. Ире точно понравится, да и мелкой, наверное, тоже: клумбы по дороге в детский сад она рассматривает с интересом...

Спустя пять минут, глядя сквозь кружево сирени на черную щель приоткрытой двери, Степан спрашивает себя: мог ли он заметить с балкона, что вход в здание открыт? Мог ли

неосознанно убедить себя пройти, даже не поняв, что увидел? Или открытая дверь – просто совпадение? Ясно одно: теперь ему точно не заснуть. Будет думать об этой двери, пока не запиликает будильник.

Он представляет, какое лицо будет у Иры, когда он расскажет, что внутри. Как она будет ахать, смеяться и, вскрикивая «Да ладно!», хлопать его по руке.

– Ох, нарываешься, – говорит он себе, но пальцы уже сами переключают телефон в режим фонарика, и ноги сами выносят тело из-под прикрытия кустов. Сам не заметив как, Степан оказывается напротив обычной железной двери с глазком и кнопкой связи. Ночь снова становится удушающе жаркой, между лопатками стекает струйка пота, но из-за двери тянет холодом. От этого тут же вспоминаются каникулы, ларек с мороженым; потные небритые грузчики таскают картонки с сухим льдом, притягательным и пугающим. Степана продувает озноб, но тут на память приходит еще кое-что: коробки кондиционеров, выпирающие под всегда темными окнами. «Нарываешься», – бормочет он и тянет дверь на себя.

Внутри дом оказывается ровно тем, чем кажется снаружи, тем, что обозначено на карте: административным зданием. Фонарик выхватывает из темноты длинный коридор и двери, обитые коричневым дерматином. Ире можно ничего и не говорить, думает Степан. Или рассказать про стоящие аккуратными рядами гробы с одеялами и подушками, явно предназначенные для удобного, крепкого сна...

Зевнув, он для очистки совести делает несколько шагов вдоль коридора. Абсолютная темнота и тишина убеждают: здание пусто и заброшено. Какой-нибудь глупый самострой, жертва бюрократических неувязок... Осмелев, Степан наугад дергает ручку одной из дверей, готовый увидеть пустую комнату, так и не дождавшуюся набитых папками шкафов и фикуса в кадке.

Вместо этого он видит висящую во тьме зеленую изломанную линию. Потом из черноты проступают рамка монитора, контуры стола, светлый абрис склоненной спины, обтянутой белым халатом. А если что-то секретное, запоздало думает Степан. Не дай бог – что-то секретное, надо же так по-идиотски влипнуть...

– Кто здесь? – вскрикивает человек в белом халате. Щелкает выключатель, и комнату заливают свет настольной лампы. Степану, привыкшему к темноте, он кажется ослепительным, но и хозяину комнаты – тоже. Он моргает и щурится на незваного гостя. Недружелюбно спрашивает: – Вы кто такой?

Все-таки секретное, думает Степан. И как теперь выкручиваться? Допрыгался. Доплясался. Нарвался... Наверное, самое безопасное – сказать правду. Может, пронесет...

– Понимаете, – заискивающе говорит он, – бессонница замучила, пошел прогуляться...

Степан замолкает, пытаюсь представить, как это звучит со стороны. Бессонница. Сирень. Тугие, мать их, паруса... Бред. Но человек в белом халате вдруг ухмыляется.

– Надо же! – говорит он с радостным удивлением. – Наш клиент...

– Не понял, – осторожно отвечает Степан.

– Ну как же! Гулял себе человек с бессонницей – и забрел к нам. Именно к нам! Мы же нарушения сна изучаем...

Он улыбается – совсем молодой человек, темноволосый и широкоплечий, с добродушными светлыми глазами и аккуратной бородкой. Из-под небрежно накинутого халата проглядывает футболка с мультяшным монстром.

– Н-да, совпадение, – бормочет Степан. По-хорошему надо извиниться и уйти, но он почему-то остается стоять. Свет лампы слишком яркий, и кажется, что в глаза насыпали песок.

– Совсем плохо, да? – сочувственно спрашивает бородатый, и Степан неопределенно разводит руками. – Снотворные принимаете?

– Пачками... Все уже перебрал.

– И не помогает, конечно. – Бородатый кивает сам себе. – А спите, наверное, при свете.

Это не вопрос, но Степан все-таки качает головой. Вспоминает ночник в детской. Криво улыбается. Под свою кровать он все-таки не заглядывает – хоть и ошалел уже от недосыпа, но не настолько, чтобы бояться темноты.

– Телефон на зарядку на ночь ставите? – деловито спрашивает бородатый. – Лампочки на телике, на мониторе, на всяких других гаджетах светятся? И шторы, наверное, чисто

для красоты?

– Штор вообще нет, – хрипло отвечает Степан, сбитый с толку напором. – Да мне свет не мешает...

– Вам кажется, что не мешает, – веско возражает бородатый. – На самом деле... Мы тут собаку съели на этом деле. На связи света и сна. Считайте, у нас тут лаборатория тьмы. – Он вдруг пронзительно, с привизгом хохочет. Это так неожиданно и не к месту, что волосы на затылке Степана шевелятся, но бородатый уже продолжает совершенно нормальным тоном: – На самом деле...

Степан ословело кивает, уже не пытаясь вникать в горячую речь. Бородатый увлеченно бродит в дебрях физиологии, и поспеть за ним невозможно. Понятно только одно: свет Степану – злейший враг. Свет не дает ему спать, превращает каждую ночь в кошмар наяву, взбивает мозг в липкую, ни на что не годную пену. Свет...

– Простите, я вас совсем заговорил. В общем, спите в темноте – и все у вас наладится...

Степан тяжело поднимается, опираясь руками о подлокотники. И когда успел оказаться в этом кресле? Измученное тело требует если не сна, то хотя бы отдыха. Часа через три уже вставать... Неразборчиво поблагодарив, он плетется к дверям. В голове гудит, и зудит на краю сознания какой-то не дающий покоя вопрос. Степан из последних сил пытается ухватить его за хвост – и останавливается.

– Если вы тут просто сон изучаете... то есть у вас тут

просто спальни и приборы, да? – Он замолкает, не зная, как спросить поаккуратнее, и в конце концов брякает: – Зачем такая секретность? Здание это, в которое никто не входит... и не знает про него никто...

Бородатый мнется.

– Н-ну-у, – мямлит он, – мы стараемся особо не светиться. – Он опять взвизгивает в приступе безумного веселья. Степан успевает пожалеть, что заговорил, но тот уже успокаивается. Откашливается. – Сами подумайте: тут же какое бабло замешано! Вот лично вы – сколько в аптеках оставили? То-то же... А тут мы такие: лечитесь бесплатно, ни таблетки не нужны, ни врачи...

Степан кивает. Не то чтобы он верит в заговоры – но в этом пустом темном здании, посреди ночи... Он слегка пожимает плечами. Спрашивает:

– Можно будет к вам еще зайти, если что?

– Не стоит... – Бородатый отводит глаза. – Сами понимаете...

– Конечно, – бормочет Степан, даже не пытаясь сообразить, что должен понимать.

Когда он выходит на улицу, над горизонтом уже светится розовая полоса, волнами излучающая душный, горячий свет. От ночи не осталось и следа, и куцее утро совсем скоро превратится в раскаленный день. Вот уж прогулялся перед сном... Он оглядывается через плечо. Вблизи здание кажется намного больше, чем с балкона, и его кирпичные стены

нависают над головой. Не стоило заходить, думает Степан. Гадать было намного веселее. И черт бы с ней, с утерянной таинственностью, но почему-то ему просто неприятно быть замеченным. Засвеченным, мысленно добавляет он с нервным смешком. Мысль, что кто-то теперь знает о его проблемах со сном, вызывает неприязнь и бессмысленную тревогу. Бородатый теперь, наверное, будет рассказывать, как к нему ночью псих забрел...

Засыпая на ходу, Степан плетется прочь от здания, чувствуя, как чистые черные окна глядят ему в спину. Дреmlющий разум подсовывает фантомы, превращает куст сирени – в человека, брошенный пакет – в неведомое животное, мир – в колючую ткань, сотканную из иллюзий. Бородатый точно решил, что я псих, вертится в голове. Степан цепляется за эту мысль, за дурацкий, но приемлемый страх выглядеть глупо. Лектор чертов, уговаривает он себя, облизывая пересохшие губы. Сам псих еще похлеще, тоже мне, поклонник тьмы очкастый... Не помогает. Воспаленное недосыпом воображение шепчет: бородатый вообще ни при чем. Борода того может и вовсе не быть. Ты так долго играл с тайной этого дома. Годами развлекался, придумывая это здание. И вот ты замечен – и теперь этот дом может придумывать тебя...

В подъезде все еще прохладно, и Степан немного приходит в себя. Дождаясь лифта, он пытается представить, куда Ира могла затолкать маски для сна, которые им когда-то вручили в самолете.

Проснувшись, Степан долго лежит с закрытыми глазами. Веки плотно прижаты маской. Степан внимательно прислушивается к тиканию механического будильника, словно пытается определить по звуку время. Он надеется заснуть снова, но постепенно понимает: не выйдет. То, что его разбудило, не исчезнет само по себе. Лежать теперь так до утра...

Он с досадой сдирает с лица маску. Если бы все было хорошо, все было правильно – он просто не заметил бы разницы. Но разница есть. Тьма, в которой он барахтается, раздраженный и сонный, не настоящая. Поддельная.

Сердито вздохнув, Степан принимается сканировать пространство. Ему даже нравится это делать. Это раньше он думал, что темнота – это страшно. Теперь он знает, что пугающей ее делает свет. Зловещий красный огонек на телевизоре. Мертвенно-синий – на мониторе. Фосфорный зеленый – от поставленного на зарядку телефона, от светящихся чисел на часах, от просвечивающих сквозь древесные кроны фар за окном... Темнота полна света, полна неверных пятен и обмана, не дающего мозгу успокоиться – если только не принять меры. Отключить все приборы. Повесить плотные, на черной подкладке шторы. Выкинуть электронные часы. Приучить наконец дочь спать в темноте – ей тоже вредны эти ночные огни, они разрушают ее так же, как разрушают его,

пока не заметно, но в будущем...

Вот оно. Степан наконец находит источник света – тонкий оранжевый лучик, навязчиво лезущий из-под двери в детскую. Опять... На мгновение он стискивает челюсти. Глубоко вдыхает и выдыхает сквозь напряженные, раздутые ноздри. Трет лицо, пытаясь расслабить мышцы.

Дверь в детскую открывается с натугой, будто что-то подпирает ее изнутри. Он с недоумением смотрит на огромную плюшевую акулу, сдвинутую створкой к середине комнаты, и слабо улыбается. Ира пыталась прикрыть щель, чтобы не разбудить его. Очень мило, конечно...

Его девицы синхронно поднимают встрепанные со сна головы. Улыбаются одинаковыми, радостными и виноватыми улыбками.

– Пааа! – кричит мелкая и, брыкаясь, выдирается из-под Ириной руки. – Проверь!

– Опять? – Он устало закатывает глаза.

Колени громко хрустят, когда Степан опускается на пол. Он вытаскивает из-под кровати – плюшевую собаку, пустое яйцо из киндер-сюрприза, три кусочка пазла. Надорванную сигарету в липких пятнах, оставленных маленькими грязными пальцами.

– Никого, – докладывает он.

– Точно? – с сомнением спрашивает мелкая. Что-то новенькое... Краем глаза он замечает, как Ира удивленно вскидывает брови.

– Совершенно точно, – говорит он. – Все. Спать.

Ира, позевывая, выходит. Он чмокает дочку в лоб и тянется к выключателю ночника.

– Нееее! – вопит мелкая, и он скрипит зубами. Дадут ему сегодня хотя бы подремать?

Взяв себя в руки, он присаживается на кровать.

– Спать надо в темноте, – говорит он.

– Зачем?

– Затем... чтобы расти. – Он вспоминает обрывки лекции, вываленной на него бородатым той странной, душной ночью, в которую все изменилось. Тяжело ворочает сонными мозгами, пытаясь приспособить это знание для мелкой. Ничего не выходит. – Чтобы расти, – повторяет он. – Ты же хочешь стать большой?

– Нет, – тут же отвечает мелкая, и он слышит, как за дверью тихо фыркает от смеха Ира. Разводит руками.

– В любом случае – под кроватью никого нет, я ведь только что проверил. Так что ложись на бочок...

– Еще!

– Да откуда там кому-то взяться?!

– Из того дома, – не моргнув глазом отвечает мелкая, и Степан вздрагивает. Почему-то думает: что бы вообразил бородатый, услышь он эту чушь? Наверное, решил бы, что у нас целая семейка психов, которые так боятся темноты, что не могут позаботиться о собственном нормальном сне. Придумал бы нас, как мы придумывали этот дом...

– Па, ну проверь! – тихо скулит мелкая, и он резко встает. Глаза застилает от ярости, словно стоит стать на колени – и кто-то чужой увидит это. Будет давиться от смеха, глядя, как он ползает на четвереньках. Хихикать в кулак... может быть, подглядывая за ним прямо из-под кровати.

– Нечего там высматривать! – рявкает Степан.

...Чуть позже они с Ирой бок о бок стоят на балконе. Светлая – слишком светлая – ночь пахнет горелыми листьями и умирающим летом. Руки трясутся, по футболке расплывается мокрое сопливое пятно, и в ушах до сих пор звучат тихие рыдания мелкой. Он все-таки выключил ночник, но в детской все равно слишком много света. Надо и там повесить защитные шторы – может, тогда ребенок наконец начнет нормально высыпаться и прекратит ныть.

Страшно хочется курить. Странно стоять на балконе просто так, с пустыми руками. Как-то... одиноко.

– Знаешь, ей кровать скоро мала станет, – говорит Ира.

– Так давай поменяем, в чем проблема?

– Она не хочет. Говорит – если кровать будет больше, то под нее и поместится... больше. Логично, да?

– Н-да уж, – хмыкает Степан. – Знаешь, пора ее отучать от этой чепухи. Большая уже девица, из кровати выросла, скоро в школу пойдет...

– Да, наверное...

– И запрети ей, наконец, таскать мои сигареты!

Ира кивает, перегибается через перила, глядя на кирпич-

ную коробку-самострой, и он невольно следует за ней взглядом. Здание по-прежнему выглядит новехоньким, даже рамы не потускнели за лето – такие белые, что аж светятся в темноте. Аккуратные черти эти ученые. Но видеть дом неприятно – как будто он смотрит в ответ. Подмигивает блестящими черными окнами. Говорит: теперь моя очередь придумывать тебя. Степан закрывает глаза. Жаль, что нельзя выключить свет на улице...

– А знаешь, – говорит Ира, – когда там сидели инопланетяне, было лучше.

– Ты же говорила – вампиры?

– Не, инопланетяне – тоже было хорошо...

...Лежа под одеялом, он слышит хлюпанье, шорох, запах ванили – Ира мажет руки кремом. Едва уловимый стук, когда она дотрагивается до фонарика. Проверяет, на месте ли. Носится с ним, как с амулетом.

– Знаешь, я просыпаюсь, когда ты его включаешь, – говорит Степан.

Короткий резкий вдох. Пауза.

– Прости, – без капли раскаяния говорит Ира, и он стискивает зубы в темноте.

– Ты можешь просто не надуваться чаем перед сном, – говорит он, и Ира снова коротко вдыхает. Он почти видит, как подергиваются ее ноздри.

– Да, наверное, могу...

Он натягивает маску на глаза. Говорит себе: «Сто. Деся-

носто девять. Никакого света, ничто не мешает. Девяносто восемь. Я совсем скоро засну, я сумею. Девяносто семь...»

* * *

Туманная, промозглая ночь. Он не может выглянуть в окно — плотные шторы на непроглядно-черной подкладке задвинуты тщательно, чтобы не оставить ни щелочки, — и все же чувствует этот туман. Туман поглощает свет уличных фонарей, свет окон полуночников, даже свет звезд — поглощает, рассеивает и усиливает, превращается в пульсирующую, сияющую массу. Фотоны, испускаемые туманом, проникают везде — глупо даже надеяться остановить их шторами. Фотоны вездесущи, как радиация, и так же опасны. Они даже хуже, чем радиация. За уровнем фотонного излучения никто не следит. Люди слишком беспечны. Так и норовят включить свет везде, где только можно, подсветить все подряд, не думая о том, как световое загрязнение разрушает их мозг, тело, разум... Ворочаясь в кровати, Степан думает о древних пещерных городах. Те люди знали, что делают. Понимали, как укрыться от смертельной опасности...

Но не светящийся туман разбудил его. Это — неодолимое зло, тупая сила природы, которую он никак не может контролировать. С этим он давно смирился. Но сейчас что-то не так в его доме, и это нужно срочно исправить.

Он снимает маску. Темнота кажется абсолютной, но он

чувствует: они здесь. Фотоны. Слабые и вялые поодиночке: они слишком привыкли нападать стаяй, яростным миллионным потоком. Но даже по одному они опасны. Их источник нужно найти.

Впрочем, тут долго искать не надо.

Он на цыпочках крадется к детской. Плюшевая акула, закрывающая щель, шуршит, когда он открывает дверь, но девицы, увлеченные разговором, ничего не слышат. Надо же. Накрыли фонарик одеялом и думают, что он ничего не заметит. Шепчутся о чем-то, секретничают. Что за секреты у них могут быть от отца и мужа? О чем они договариваются? Он напрягает слух, стараясь различить слова. Он старается дышать тише, чтобы не спугнуть их, но от гнева перехватывает горло, и воздух шумно прорывается сквозь ноздри. Сколько раз он просил выкинуть этот чертов фонарик! Следом приходит мысль похуже: сколько раз они тайно включали его по ночам? Сколько раз Ира стояла над ним, направив свет прямо в лицо, облучая его потоком смертельных частиц? Неудивительно, что бессонница так и не прошла. Но теперь он узнает, что они задумали. Он вслушивается в увещающий голос жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.